R 447/286

К 286

КРАТКАЯ БІОГРАФІЯ
ПРОТОІЕРЕЯ ОТЦА ІОАННА ИЛЬИЧА СЕРГІЕВА
(КРОНШТАДТСКАГО).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печ. Графическаго Института, Бр. Лукшевицъ. Спб., 5-я Рождеств., 44.
1911.

R 447/286

КРАТКАЯ БІОГРАФІЯ

ПРОТОІЕРЕЯ

О. ІОАННА ИЛЬИЧА СЕРГІЕВА

(КРОНШТАДТСКАГО).

ПУБЛИЧ. БИБЛІОТ. РУКОПИСЕЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печ. Графическаго Института. 5-я Рождественская, 44.
1911.

Кто на святой Руси не знаетъ „Кронштадтскаго батюшку". о. Іоанна? Сколько народа перебывало у него, сколько получили чрезъ его молитву помощь для себя или для своихъ родственниковъ?! Гдѣ найдется такой, самый глухой уголокъ въ нашемъ отечествѣ, гдѣ нельзя было бы встрѣтить портрета дорогого батюшки о. Іоанна, гдѣ бы мы не услыхали полныхъ благоговѣйнаго чувства разсказовъ объ его добрыхъ дѣлахъ, силѣ молитвы, нравственной помощи, какую получаютъ отъ него всѣ къ нему обращающіеся?

Боленъ ли кто, если родственники его истинно богобоязненные православные люди, ихъ послѣдняя надежда на дорогого батюшку.

Послѣдніе гроши сбираются, чтобы послать ему телеграмму или письмо съ просьбою помолиться о здравіи болящаго. И сколько такихъ случаевъ, кромѣ извѣстныхъ, которыхъ и безъ того безчисленное множество, когда лишь молитвою батюшки о. Іоанна больные получали здравіе!

Такіе случаи хранятся въ тайникахъ сердца вмѣстѣ съ благодарностью у многихъ, очень многихъ православныхъ на св. Руси.

Ѣдетъ ли куда о. Іоаннъ, слухъ о томъ на сотни верстъ опережаетъ его, и всѣ, кому жизнь не даетъ возможности увидѣть его въ Кронштадтѣ, спѣшатъ

теперь встрѣтиться съ нимъ, поговорить съ нимъ, о своихъ горестяхъ и получить утѣшеніе. Больныхъ вывозятъ и выносятъ навстрѣчу дорогому пастырю, и его путешествіе сопровождается чудесными знаменіями исцѣленій.

Воистину, возлюбилъ Господь православную Русь, если до сихъ поръ воздвигаетъ на ней Себѣ такихъ великихъ угодниковъ.

Если бы наша родина была не богата, не сильна военнымъ могуществомъ, если бы нечѣмъ было у насъ похвалиться, поистинѣ и тогда у насъ никто не отнялъ бы нашей великой похвалы, нашу „Россійскую славу“, какую Господь даровалъ намъ въ лицѣ „Кронштадтскаго батюшки“, о. Іоанна Ильича Сергіева.

I.

Дѣтство и юность о. Іоанна Кронштадтскаго.

На далекомъ сѣверѣ нашей родины, въ 500 верстахъ отъ Бѣлаго моря, есть мѣстечко Сура, на берегу р. Пинеги—это родина о. Іоанна.

Жителей въ томъ краю мало. Селенія рѣдки. Постоянные холода, короткое лѣто дѣлаютъ жизнь въ этомъ краю очень трудною.

И стоятъ вдали одинокія горы, покрытыя дѣвственнымъ лѣсомъ, населенныя пушнымъ звѣремъ, плещетъ тамъ далеко Бѣлое море свои волны въ Ледовитый океанъ. На девять мѣсяцевъ вся природа погружается въ зимній сонъ.

Тамъ-то, въ этомъ диковинномъ и страшномъ краю—и находится родина о. Іоанна.

Родитель его былъ бѣдный дьячекъ села Сурскаго, жилъ почти всегда съ нуждою.

Въ 1829 году, 19 октября, въ зимнюю ночь, когда догорало на далекомъ небѣ сѣверное сіяніе, у бѣднаго дьячка Ильи родился сынъ, которому Господь судилъ просіять великимъ свѣтильникомъ на всю землю русскую.

Крестили мальчика и назвали его Іоанномъ.

Семья у дьячка была большая. И нерадостно, безъ обычныхъ дѣтскихъ развлеченій проходили первые годы Вани.

За то быстро онъ возрасталъ духовно, въ церкви находилъ себѣ лучшее прибѣжище, высшее удовольствіе.

Когда ему было четыре года, отецъ его почти постоянно бралъ мальчика съ собою въ церковь. И звуки церковныхъ пѣснопѣній звучали любимою мелодіею въ ушахъ мальчика.

Когда же наступало короткое лѣто и Ваня шелъ въ поле, сѣверные цвѣты, лѣса, рѣка шептали ему все объ одномъ, о томъ же, что говорили ему церковныя пѣсни.

Вѣдь, чистое сердце находитъ Бога вездѣ, въ малѣйшей травкѣ, былинкѣ.

Пяти лѣтъ Ваня началъ учиться грамотѣ, учился подъ руководствомъ матери въ тѣ короткія минуты, когда она была свободна.

Но Ваня не отличался здоровьемъ, онъ былъ слабенькій и худенькій ребенокъ и грамота давалась ему на первыхъ порахъ съ великимъ трудомъ.

И вотъ Ваня въ училищѣ. Началось для него еще болѣе трудная жизнь, полная лишеній, когда приходилось „собирать“ бумагу у болѣе состоятельныхъ своихъ товарищей или по присутственнымъ мѣстамъ, потому что купить ее было не на что.

Дома была нищета, а въ училищѣ тоже не лучше. Кормили плохо, да и учили не лучше.

Цѣлые дни и ночи работалъ Ваня, но наука плохо двигалась впередъ.

А знать хотѣлось больше и больше, чтобы скорѣе окончить училище и быть помощникомъ своимъ родителямъ.

Невеселыя думы рано начали уже мучить головку мальчика, единственное утѣшеніе находилось для него въ молитвѣ.

И вотъ въ молитвѣ его Господь и явилъ Свою первую помощь Ванѣ.

„Ночью я любилъ вставать на молитву"... вспоминаетъ теперь о. Іоаннъ про то время:—„Всѣ спятъ... тихо. Не страшно молиться. И молился я чаще всего о томъ, чтобы Богъ далъ мнѣ свѣтъ разума на утѣшеніе родителямъ. И вотъ, какъ сейчасъ помню, однажды былъ уже вечеръ, всѣ улеглись спать. Не спалось только мнѣ, и я по-прежнему ничего не могъ уразумѣть изъ пройденнаго, по-прежнему плохо читалъ, не понималъ и не запоминалъ ничего изъ разсказаннаго. Такая тоска на меня напала; я упалъ на колѣни и принялся горячо молиться. Не знаю, долго ли я пробылъ въ такомъ положеніи, но вдругъ точно потрясло меня всего. У меня точно завѣса спала съ глазъ, какъ будто раскрылся умъ въ головѣ, и мнѣ ясно представился учитель того дня, его урокъ; я вспомнилъ даже, о чемъ и что онъ говорилъ. И легко, радостно такъ стало на душѣ. Никогда не спалъ я такъ спокойно, какъ въ ту ночь. Чуть засвѣтлѣло, я вскочилъ съ постели, схватилъ книги и—о счастье!—читаю гораздо легче, понимаю все, а то, что прочиталъ, не только все понялъ, но хоть сейчасъ и разсказать могу. Въ классѣ мнѣ сидѣлось уже не такъ, какъ раньше: все понималъ, все оставалось въ памяти. Далъ учитель задачу по ариѳметикѣ,—я рѣшилъ, и похвалили меня даже. Словомъ въ короткое время я подвинулся настолько, что пересталъ уже быть послѣднимъ ученикомъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше и лучше успѣвалъ я въ

наукахъ и къ концу курса однимъ изъ первыхъ переведенъ былъ въ семинарію".

Быстро потекли семинарскіе годы. Теперь уже Ваня все болѣе и болѣе преуспѣвалъ въ наукахъ. Любя всею душою лишь слово Божіе, молитву, Ваня сторонился отъ слишкомъ вольныхъ забавъ своихъ товарищей, да и тѣ чуждались сына бѣднаго сельскаго дьячка. И Ваня росъ одинокимъ. Единственнымъ другомъ его было Св. Евангеліе—„что прежде всего положило начало моему обращенію къ Богу и еще въ дѣтствѣ согрѣло мое сердце любовью къ Нему?—говоритъ о. Іоаннъ:—это Святое Евангеліе. У родителя моего было Евангеліе на славянско-русскомъ языкѣ; любилъ я читать эту чудную книгу, когда пріѣзжалъ домой на вакаціонное время, и слогъ ея и простота рѣчи были доступны моему дѣтскому разумѣнію; я читалъ и услаждался ею, и находилъ въ этомъ чтеніи высокое и незамѣнимое утѣшеніе. Это Евангеліе было со мною и въ духовномъ училищѣ. Могу сказать, что Евангеліе было спутникомъ моего дѣтства, руководителемъ, утѣшителемъ, съ которымъ я сроднился съ раннихъ лѣтъ".

Когда кончались занятія, Ваня ходилъ домой за сотни верстъ пѣшкомъ. И тутъ молитва предъ лицомъ только величественной молчаливой природы дѣлала его путешествіе скорымъ и незамѣтнымъ.

Когда Ваня кончилъ семинарію, отецъ его умеръ. Семья осталась безъ кормильца и поильца, но мать Вани, видя его прилежаніе и успѣхи въ наукѣ, его благонравіе и благочестіе, не хотѣла, чтобы ради семьи онъ окончилъ свое образованіе семинаріею. Начальство посылало его, какъ лучшаго ученика, въ Петербургъ, въ Духовную Академію

Здѣсь, ревностно отдаваясь наукѣ, Ваня находилъ время перепискою заработать немного денегъ и отослать ихъ матери. У самого него расходовъ никакихъ не было. Лишь изрѣдка онъ позволялъ себѣ купить какую-либо книгу, какъ, напр., творенія св. Іоанна Златоуста.

И потомъ онъ цѣлые дни и ночи читалъ эту книгу, стараясь усвоить ея слова всѣмъ своимъ сердцемъ.

Кончено школьное ученье. Пора вступить въ жизнь.

И Іоаннъ Ильичъ захотѣлъ себя посвятить тому служенію, которое всѣхъ труднѣе, быть пастыремъ душъ, чтобы управлять ихъ въ царство Христово.

Еще въ дѣтствѣ онъ видѣлъ себя во снѣ священникомъ на службѣ въ незнакомомъ соборѣ. Картина этого собора прочно и ясно запечатлѣлась въ его памяти.

Когда по окончаніи Академіи, рукоположенный во священника Кронштадтскаго Андреевскаго собора онъ первый разъ входилъ въ этотъ соборъ, то увидѣлъ предъ собою ту церковь, въ какой давно видѣлъ себя во снѣ священникомъ.

Рукополагалъ во священники Іоанна Ильича преосвященный Христофоръ, Епископъ Виницкій, 12 декабря 1855 года. Началась школа жизни. Ваня сталъ о. Іоанномъ.

II.

Первые годы пастырскаго служенія о. Іоанна.

Сознаю высоту сана и соединенныхъ съ нимъ обязанностей, чувствую свою немощь и недостоинство, но уповаю на благодать и милость Божію. „немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую". Знаю, что можетъ сдѣлать меня болѣе или менѣе достойнымъ этого сана и способнымъ проходить это званіе. Это *любовь ко Христу и къ вамъ*, возлюбленные братія мои... Любовь великая сила, она и немощнаго дѣлаетъ сильнымъ, и малаго великимъ... Таково свойство любви чистой, евангельской. Да дастъ и мнѣ любвеобильный ко всѣмъ Господь искру этой любви, да воспламенитъ ее во мнѣ духомъ Своимъ Святымъ".

Это была первая проповѣдь о. Іоанна въ Кронштадскомъ соборѣ.

Въ служеніи своемъ о. Іоаннъ всего себя отдаетъ паствѣ, почти не заботясь о себѣ самомъ. А тѣ свободныя минуты, какія достаются ему на отдыхъ, проходятъ въ бесѣдахъ съ своею совѣстію, наблюдая и управляя каждымъ движеніемъ души. Онъ хочетъ разжечь въ себѣ свѣтильникъ Божій, чтобы ярче онъ горѣлъ для другихъ.

Вѣдь пастырь — это свѣча Господня, поставленная „верху Горы", и нѣтъ науки высшей для человѣка, какъ научиться владѣть самимъ собою, слышать всегда голосъ своей совѣсти. И въ самоотверженной работѣ на благо своей паствы текли дни батюшки о. Іоанна.

Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій.

Теперь, въ старости, онъ самъ вспоминаетъ о началѣ своего священнослуженія:

— „Рукоположенный во священника и пастыря, я вскорѣ на опытѣ позналъ, съ кѣмъ вступаю въ борьбу на моемъ духовномъ поприщѣ, именно съ сильнымъ, хитрымъ, съ недремлющимъ и дышущимъ злобою и погибелью и адскимъ огнемъ геенны княземъ міра сего и съ духами злобы поднебесными, какъ говоритъ апостолъ: „наша брань не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ міроправителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ"; начались искушенія, обнаружились пакости вражія, немощныя уязвленія, преткновенія; враги, какъ разбойники, начали преслѣдовать меня въ духовномъ шествіи моемъ и въ служеніи Богу моему. Это значило, что Господь — пастырь добрый, ввелъ меня въ искусъ и опытное духовное обученіе, чтобы я позналъ, съ какими врагами имѣю дѣло, принявъ на себя иго Христова священства, съ кѣмъ долженъ бороться, отъ кого хранить словесныхъ овецъ, какъ ограждать ихъ отъ змія всей бездны, отъ льва рыкающаго и ищущаго всякій день, кого бы поглотить. Какъ духовный воинъ, я долженъ былъ зорко слѣдить за злохитрыми дѣйствіями неусыпающихъ лукавыхъ, злыхъ, невидимыхъ враговъ, нападавшихъ на меня, чрезъ различныя страсти и страхованія и часто терпѣть наносимыя мнѣ отъ нихъ раны въ душѣ, язвы, смущенія, тѣсноты, пораженія, хотя въ свою очередь, и я поражалъ ихъ оружіемъ вѣры, молитвы, покаянія, причащенія Св. Таинъ Христовыхъ. И въ этой невидимой, но упорной, полной уязвленій душевныхъ брани, отъ которой страдала плоть, Господь научилъ

постоянно руцѣ мои духовныя на ополченіе и персты моя на брань; въ этой невидимой духовной борьбѣ я учился искренней вѣрѣ, упованію, терпѣнію, молитвѣ, правотѣ духа, чистотѣ сердца, непристанному призыванію имени незримаго, державному побѣдителя ада и Пастыреначальника Іисуса Христа, и Его именемъ и силою побѣждалъ враговъ и свои душетлѣнныя страсти, рыкавшія на меня подобно львамъ или завывавшія подобно волкамъ. Эта борьба съ хитрымъ и сильнымъ невидимымъ врагомъ воочіе показала мнѣ, какъ много во мнѣ немощей, слабостей и грѣховныхъ страстей, какъ много имѣетъ во мнѣ князь вѣка сего и какъ я долженъ много бороться съ собою, съ своими грѣховными наклонностями и привычками и побѣдить ихъ, чтобы быть по возможности неуязвимымъ отъ стрѣлъ вражіихъ. Началась духовная брань; самоблюденіе, изощреніе духовнаго зрѣнія; обученіе себя непрестанной тайной молитвѣ и призыванію всеспасительнаго имени Христова; какъ псалмопѣвецъ царь-пророкъ Давидъ, я постоянно сталъ возводить очи въ горы, на небо, откуда приходила ко мнѣ явная и скорая, державная помощь, и враги мои сильные обращались въ бѣгство, а я получалъ свободу и миръ душевный".

— „Стократъ блаженны,—думалъ я,—пустынники, удалявшіеся ради неразвлекаемаго служенія и для спасенія души въ пустыни, чуждыя для соблазновъ міра. Но надо опять — думалъ я, — подвизаться и въ мірѣ, живя среди людей, и сохранять себя нескверным отъ міра".

(Слово 12 декабря 1893 г.)

Трудны были первые годы служенія о. Іоанна.

Кронштадъ въ то время служилъ мѣстомъ высылки для людей порочныхъ, пребываніе которыхъ въ людскомъ обществѣ становилось опаснымъ для него.

Поселенцы, „посадскіе“, какъ ихъ тогда называли, доставляли много мученій жителямъ Кронштадта: воровство, грабежи и разбои дѣлали жизнь ихъ невыносимою.

И на эти-то „отбросы общества“ о. Іоаннъ и обратилъ свое особое вниманіе, понимая, что искра Божія можетъ таиться подъ кучею тѣла, въ груди этихъ злыхъ и борочныхъ людей.

Онъ спускается къ нимъ въ подвалы, поднимается на чердаки, разыскиваетъ ихъ въ вертепахъ, желая образумить заблудшихся и привести на путь истинный.

Ругань и брань сначала встрѣчаютъ батюшку. Несчастныя не видятъ своего убожества духовнаго и не хотятъ разстаться съ нимъ. Но ласка батюшки о. Іоанна обезоруживаетъ и самыхъ строптивыхъ, его свѣтлый взоръ проникаетъ въ самую темную душу и заставляетъ ее плакать слезами покаянія.

А особенно жаль о. Іоанну дѣтей этихъ несчастныхъ бѣдняковъ. Къ нимъ стремилось сердце его, и въ нихъ онъ нашелъ себѣ въ подпольѣ своихъ первыхъ вѣрныхъ друзей. И когда несчастные видѣли, что батюшка ласкаетъ ихъ захудалыхъ дѣтокъ, не могло устоять самое загрубѣлое сердце, чтобы въ порывѣ благодарности не упасть къ его ногамъ, прося у него прощенія и помощи начать новую жизнь.

Помогалъ имъ о. Іоаннъ щедро. Не разъ видѣли кронштадтцы своего пастыря возвращавшагося босымъ домой: значитъ нашелся бѣднякъ, у котораго не было сапогъ и вотъ о. Іоаннъ отдалъ свои.

И вотъ, вмѣсто прежней непріязни босяки начали сами искать добраго батюшку, первые приходили къ нему.

И никто не зналъ отказа въ своей просьбѣ, и мало кто оставался неблагодарнымъ доброму батюшкѣ за его любовь и ласку.

Любилъ о. Іоаннъ ходить „на огонекъ“ къ какому-либо изъ своихъ прихожанъ.

Послѣ долгой молитвы выходитъ онъ ночью на улицы Кронштадта. Все спитъ. Только вонъ въ одной избушкѣ горитъ огонекъ. Что тамъ задержало людей отъ сна? Не горе ли какое? Вѣдь силенъ врагъ рода человѣческаго и подъ покровомъ темноты удобнѣе творить свои злыя дѣла.

И о. Іоаннъ идетъ на огонекъ, въ одинокую хату.

Горе ли тамъ — онъ утѣшитъ, замышляютъ ли недоброе дѣло и смутятся гости при его приходѣ — онъ образумитъ, такъ, вообще, дѣла задержали время сна — о. Іоаннъ побесѣдуетъ о душѣ съ собравшимися, дастъ имъ наставленія, благословитъ и уйдетъ, можетъ быть, „на другой огонекъ“.

Такъ днемъ и ночью болитъ о своей паствѣ душа дорогого батюшки.

Не было жителя въ Кронштадтѣ, который бы въ горѣ своемъ не увидалъ у себя въ домѣ о. Іоанна, который бы не излечилъ свою душу его словомъ, не принялъ отъ него помощи.

На сердцѣ о. Іоанна на всѣхъ хватало любви и ласки.

Вотъ разсказъ одного кронштадтскаго торговца:

„Будучи еще молодымъ человѣкомъ, я лишился жены, оставившей на моихъ рукахъ малолѣтняго сына. Я сильно скорбѣлъ. Порою доходилъ даже до уныній.

Не только потеря горячо любимой подруги мучила меня, едва ли не больше я мучился мыслью о дальнѣйшей моей судьбѣ. Я чувствовалъ и сознавалъ, что неспособенъ воспитать своего шестилѣтняго сына, который, какъ и надо ожидать, безъ присмотра материнскаго, предоставленный самому себѣ,— сталъ шалить и баловаться. По торговлѣ пошли убытки и упущенія. Я считалъ ее безцѣльною. Для кого и для чего, думалъ я, торговать? Сынишка такъ еще малъ, да и что еще изъ него выйдетъ? Полное разочарованіе жизнью овладѣло мною. Чтобы избавиться отъ гнетущей тоски, я сталъ искать утѣшенія внѣ дома въ винѣ и незамѣтно для себя самого сталъ пьяницею. Время шло. Сынишка росъ на своей волюшкѣ, торговлею я почти совсѣмъ не занимался, оставивъ лавку на приказчиковъ, и только ожидалъ случая совершенно прикончить съ нею.

Однажды, иду я утромъ по улицѣ и вижу, навстрѣчу идетъ о. Іоаннъ, должно быть прямо изъ собора отъ обѣдни. Повстрѣчался со мною, благословилъ меня, да и говоритъ:

— Я къ тебѣ, братъ, иду, надо бы съ тобою побесѣдовать немножко.

Прошли мы въ квартиру. Батюшка сѣлъ, да и говоритъ:

— Жаль мнѣ тебя, рабъ Божій! Я давно наблюдаю за тобою. Думалъ, не образумишься ли ты, и рѣшилъ, наконецъ, притти къ тебѣ на помощь. Послушай меня, сбрось съ себя хандру. Это — врагъ силится уловить тебя. Если не исправишься, смотри, худо будетъ. Перестань пить, не отлучайся изъ дому безъ особенной надобности. Торговлю бросатьне ду-

май, а займись ею самъ. Помни, что ты не одинъ. У тебя сынишка, не губи его и себя. Учить его пора. Учи его грамотѣ, бери съ собою въ лавку, пріучай понемногу къ дѣлу; и тебѣ повеселѣе будетъ, да и онъ съ помощью Божіею пріучится къ дѣлу, человѣкомъ будетъ, тебѣ помощникомъ, а подъ старость кормильцемъ твоимъ, утѣшеніемъ твоимъ. Слышишь же, съ сегодняшняго дня начинай. Довольно по улицамъ-то бродить безъ дѣла. Человѣкомъ ты былъ человѣкомъ и оставайся!

Съ этими словами батюшка всталъ, надѣлъ эпитрахиль и говоритъ:

— Ну, вотъ, на починъ дѣла помолиться надо. Помолимся поусерднѣе Господу Богу, чтобы Онъ Самъ помогъ намъ раскаяться, да въ разумъ истины притти.

И сталъ на молитву. Со слезами онъ молился за меня грѣшнаго. Потомъ благословилъ насъ съ сыномъ обѣщалъ навѣщать и молиться за насъ и ушелъ.

Словно проснулся я отъ долгаго тяжелаго сна; и квартирка-то наша стала милѣй для меня. Со слезами раскаянія я обнялъ своего сына. Только тутъ я почувствовалъ, какъ виноватъ передъ нимъ. Вѣдь чуть было совсѣмъ не сгубилъ его. Съ благословенія батюшки принялся я за дѣло. Батюшка дѣйствительно навѣщалъ меня, иногда подолгу бесѣдовалъ со мною о дѣлѣ, утѣшалъ, подкрѣплялъ меня, ласкалъ и наставлялъ сыночка. Дѣло по торговлѣ за годъ поправилось и я сталъ снова „человѣкомъ“ за молитвы „дорогого батюшки“ (И.Таисія. О. Іоаннъ, какъ пастырь).

И съ кѣмъ ни приходилось сталкиваться о. Іоанну, слово его дѣйствовало какъ живительный дождь на душу человѣка. Эта сила почерпалась имъ молитвою.

О. Іоаннъ всегда вѣрилъ въ силу молитвы. „Рабъ Божій—говоритъ онъ—при совершеніи богослуженія и таинствъ долженъ быть твердо убѣжденъ, что только онъ *что-либо помыслитъ и скажетъ, это и сдѣлается.* Такъ удобно и легко для Владыки исполнять наши прошенія, творить или претворять что-либо по нашему слову. Это убѣжденіе пусть такъ въ тебѣ будетъ крѣпко и естественно, какъ твое дыханіе воздухомъ, какъ видѣніе зрѣніемъ, какъ слушаніе слухомъ".

Жена о. Іоанна всѣ силы свои отдала ему на помощь, превратившись какъ бы въ милосердную сестру для его паствы.

Нѣсколько лишь минутъ, поздно вечеромъ, когда о. Іоаннъ приходилъ домой, или утромъ видѣлись они.

— Счастливыхъ семей, Лиза, и безъ насъ довольно,—говорилъ своей женѣ о. Іоаннъ.—А мы съ тобой посвятимъ себя на служеніе Богу.

III.

День о. Іоанна.

День о. Іоанна всегда начинался молитвою въ церкви, гдѣ онъ служитъ обѣдню.

Вотъ окончилась служба. Совершивъ всѣ требы, выходитъ изъ церкви батюшка. Его обступаютъ со всѣхъ сторонъ нищіе, убогіе, калѣки, чтобы получить благословеніе и помощь отъ добраго батюшки.

Все, что есть въ карманахъ о. Іоанна, уходитъ въ ихъ протянутыя руки. Хорошо если когда у него останется копеекъ 20, чтобы на пароходѣ посѣтить трудно больного.

Куда-нибудь уже ждутъ дорогого батюшку; кто-ни-

Членъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода
Протоіерей о. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ (Кронштадтскій).

будь умираетъ, его надо напутствовать, кто-нибудь въ горѣ, отчаяніи—его надо поддержать и утѣшить.

На минутку забѣжитъ о. Іоаннъ домой передохнуть, и тамъ уже дожидаются его просители. У кого нужда—дѣти мрутъ отъ голода, у кого сынъ отбился отъ рукъ, мужъ запилъ. Да мало ли горя людского, мало ли утружденныхъ! И всѣ они толпятся около о. Іоанна, ожидая только отъ него лишь помощи.

А тутъ письма, съ просьбою помолиться, помочь, приглашеніе пріѣхать и наставить. Зовутъ въ Петербургъ, зовутъ въ Ораніенбаумъ, зовутъ въ Выборгъ... И вездѣ больные, страждущіе, чающіе утѣшенія и помощи.

Всюду надо поспѣть.

Бываетъ, что захотятъ злоупотребить добротою батюшки. Какой-нибудь лѣнтяй придетъ къ нему и начнетъ выпрашивать у него, выдавая себя за умирающаго съ голоду, безработнаго. О. Іоаннъ только вглянетъ на него, укоромъ засвѣтятся его очи; его обмануть трудно.

Правда, онъ всегда поможетъ, но и дастъ такое наставленіе, отъ котораго громко заговоритъ совѣсть обманщика и не рѣшится онъ уже на обманъ другой разъ.

Хлѣбъ, деньги, все, что только находится въ домѣ о. Іоанна—это не его, а всякаго нуждающагося. А самъ онъ успѣваетъ вездѣ, гдѣ нужно, чтобы напутствовать умирающихъ, наставить живыхъ, утѣшить печальныхъ, успокоить, ободрить.

И лишь поздняя ночь застаетъ его дома за обѣдомъ, послѣ котораго долгая и горячая молитва, короткій сонъ и снова начинается день, полный труда на служеніе ближнимъ.

Такъ шла жизнь о. Іоанна и Господь давалъ силы рабу своему.

IV.

Труды о. Іоанна.

Въ 1857 году о. Іоаннъ былъ сдѣланъ законоучителемъ въ кронштадтскомъ училищѣ, а съ 1862 года и въ гимназіи.

Теперь предъ нимъ, подъ его руководствомъ могла проходить жизнь его пасомыхъ отъ самаго ихъ дѣтства.

Дѣтей о. Іоаннъ всегда очень любилъ, у него нѣтъ своихъ и все отеческое чувство онъ перенесъ поэтому на дѣтей своихъ прихожанъ, слѣдя и радуясь ихъ успѣхамъ, засѣвая свѣжее поле душъ ихъ плодоносными сѣменами, чтобы расцвѣли въ душѣ ихъ прекрасные цвѣты.

Дѣти и цвѣты—первая радость о Іоанна.

„Какъ пріятно садовнику или любителю комнатныхъ растеній видѣть, что ихъ растенія хорошо растутъ, зеленѣютъ и даютъ цвѣты или плоды, и вознаграждаютъ ихъ за труды. Какъ они удваиваютъ тогда свое усердіе въ ухаживаніи за ними. И землю каждогодно подъ ними перемѣняютъ, если это комнатныя растенія, и поливаютъ тщательно и во время, а сухія вѣточки или пожелтѣвшіе листочки обрываютъ, чтобы они и мѣста не занимали на стеблѣ растенія, и не безобразили его собою, да и соковъ его напрасно въ себя не тянули. Зато и посмотрѣть мило на эти растенія. Цвѣточки-то какіе, напр., у олеандры, у розы нашей русской и китайской,—глядишь не наглядишься и скажешь: Дивенъ ты, Создатель нашъ, не только въ человѣкѣ,—въ твоемъ образѣ и подобіи, но и въ растеніяхъ бездушныхъ, и въ цвѣточкахъ древесныхъ. Впрочемъ, что намъ много говорить о растеніяхъ и цвѣтахъ? Они все-таки дерево,

сѣно, какъ ни хороши. А вотъ *вы, дѣтки, наши растенія или лучше Божьи безцѣнныя. Вы наши цвѣты. То, что сказано объ нихъ. надо приложить и къ вамъ*" такъ говорилъ дѣтямъ о. Іоаннъ. И въ школѣ, какъ въ храмѣ, о. Іоаннъ внушаетъ дѣтямъ любовь къ слову Божію, къ непрестанному его усвоенію своимъ сердцемъ.

Много силъ своихъ отдаетъ онъ, чтобы дѣти выходили изъ-подъ его руководства въ школѣ добрыми и честными гражданами, вѣрными сынами церкви, и слугами Царю и Отечеству.

О трудахъ о. Іоанна можно судить по тѣмъ результатамъ, какіе дала его продолжительная дѣятельность въ санѣ пастыря г. Кронштадта.

Тамъ имъ воздвигнуты:

1) Убѣжище для призрѣнія сиротъ и дѣтское дневное пристанище. Тысячи бездомныхъ дѣтей находятъ для себя здѣсь пріютъ и ласку. Рука батюшки отираетъ здѣсь сиротскія слезы;

2) лечебница для приходящихъ съ безплатною помощью, съ открытымъ доступомъ для всѣхъ;

3) два начальныхъ училища;

4) мастерскія: пенькощипная, сапожная, переплетная;

5) народная кухня и столовая;

6) ночлежный пріютъ;

7) домъ для призрѣнія бѣдныхъ женщинъ;

8) книжная лавка.

Со всей Руси текли пожертвованія къ о. Іоанну, чтобы черезъ его руки перейти къ бѣднымъ. На дѣла же благотворенія уходило и все его собственное имущество. Въ годъ на содержаніе упомянутыхъ учрежденій и, вообще, на дѣла благотворенія чрезъ о.

Іоанна выходило до 100.000 рублей и половина изъ нихъ отдавались жителямъ г. Кронштадта.

Масса бѣдныхъ получало прямо на руки пособія отъ о. Іоанна: одни помѣсячно, другіе погодно и единовременно.

Всѣхъ такихъ бѣдняковъ до 7.000 человѣкъ.

Но о. Іоаннъ заботился и о духовной пищѣ своихъ пасомыхъ, не преставая поучать ихъ неустаннымъ проповѣдываніемъ слова Божія.

Для этой же цѣли велись имъ чтенія съ туманными картинами и объясненіями слова Божія.

Но не всѣ силы, не всѣ заботы о. Іоанна отдаются Кронштадту. Нѣтъ! Онъ любитъ всю Россію, всю ее считаетъ своею паствою, нивою, на которую поставилъ его Господь и на которой онъ, какъ вѣрный рабъ, долженъ прологать борозды, куда будетъ ложиться слово Божіе.

Кромѣ частныхъ лицъ, нерѣдки случаи, когда цѣлые города или общества звали къ себѣ о. Іоанна, желая, чтобы онъ отслужилъ въ ихъ храмѣ, желая помолиться вмѣстѣ съ дорогимъ пастыремъ, получить отъ него утѣшеніе и назиданіе. И у батюшки о. Іоанна ни для кого нѣтъ отказа. Пишущій эти строки самъ былъ разъ не свидѣтелемъ, какъ дорогой батюшка, уже въ преклонныхъ лѣтахъ—это было недавно—отправляется въ отдаленныя мѣста Новгородской губерніи, по худымъ дорогамъ ѣдетъ десятки и сотни верстъ, чтобы гдѣ-нибудь въ глухомъ приходѣ преподать свое пастырское благословеніе бѣднымъ поселянамъ.

И какъ отрадно было видѣть радость на суровыхъ лицахъ этихъ бѣдныхъ сельскихъ тружениковъ, когда

къ нимъ пріѣхалъ ихъ дорогой батюшка: эта радость и для о. Іоанна была лучшею наградою.

Никого не забывалъ своею помощью и молитвою нашъ кронштадскій батюшка.

V.

„Россійская слава" — о. Іоаннъ.

Еще первые шаги пастырской дѣятельности о. Іоанна обратили на него вниманіе всей Россіи.

Благотворительность его далеко распространяла о себѣ славу. Многіе богатые люди, желая послужить бѣднымъ отъ своего богатства, шлютъ батюшкѣ свои пожертвованія на бѣдныхъ. Частныя лица, неизвѣстныя міру, получивъ помощь молитвою о. Іоанна, расходятся по лицу земли русской и въ отдаленныхъ уголкахъ ея повѣствуютъ о чудѣ — милости Божіей явленной Господомъ святой Руси въ лицѣ кронштадтскаго батюшки.

И у всѣхъ страдающихъ и обездоленныхъ, которыхъ уже, кажется, навсегда жизнь поработила нуждѣ и болѣзнямъ, пробуждается надежда получить помощь отъ батюшки.

Открывается цѣлое паломничество въ Кронштадтъ. Идутъ старцы и дѣти, убогіе и калѣки, идутъ люди съ тяжкимъ горемъ на душѣ, чтобы помолиться въ Андреевскомъ соборѣ въ Кронштадтѣ, принять благословеніе отъ дорогого батюшки и попросить его молитвъ.

И вѣра ихъ, смиренныхъ богомольцевъ, и горячая молитва о. Іоанна творятъ чудеса. Снова, какъ во дни жизни угодниковъ Божіихъ, совершаются на яву всѣхъ чудесныя исцѣленія, уврачеванія.

И уходятъ эти бѣдные люди изъ Кронштадта и по далекимъ уголкамъ нашей обширной родины разносятъ вѣсти про новую „Россійскую славу“, Кронштадтскаго батюшку о. Іоанна Ильича Сергіева.

Тогда жизнь о. Іоанна, примѣрно, протекала такъ:

„О. Іоаннъ очень любитъ утро. Утренніе часы — лучшіе часы дня“. Въ это время, пишетъ въ дневникѣ о. Іоаннъ, внутренній человѣкъ свободнѣе выглядываетъ изъ-подъ суеты свѣта, изъ-подъ мрака плоти своей, несвязанный искушеніями лукаваго. Все остальное время онъ покрытъ почти непроницаемою тьмою; на его очахъ лежитъ болѣзненная повязка, скрывающая отъ него истинный порядокъ вещей духовныхъ и чувственныхъ.

Утренніе для него часы, какъ бы часы новой, обновленной временнымъ сномъ жизни“.

„И о. Іоаннъ съ удовольствіемъ отдалъ бы утренніе часы отдыха въ Богѣ мыслямъ о Богѣ вдали этой обычной, хотя и святой суеты. Къ сожалѣнію это для него невозможно.

Полчаса молитвы — вотъ и все, что онъ можетъ оторвать утромъ отъ его работы для другихъ.

И онъ молится „своими словами“ съ радостью человѣка, входящаго въ свѣтъ дня Господня.

„Творче и владыко міра“,—молится онъ.—„Призри милостиво на созданіе Твое, украшенное Твоимъ божественнымъ образомъ въ сіи утренніе часы; да живитъ, да просвѣтитъ Твое око, тьмами темъ кратъ свѣтлѣйшее лучей солнечныхъ, мою душу темную и умерщвленную грѣхомъ. Отыми отъ меня уныніе и лѣность, даруй же мнѣ веселіе и бодрость душевную, да въ радованіи сердца моего славлю Твою благость,

святость, Твое безпредѣльное величіе, безконечныя Твои совершенства на всякъ часъ и на всякомъ мѣстѣ. Ты бо еси творецъ мой и Владыко живота моего. Господи, и Тебѣ подобаетъ слава отъ разумныхъ созданій Твоихъ на всякій часъ нынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь".

И сильный и радостный онъ выходитъ изъ комнаты.

Конечно, онъ радъ бы былъ еще воспользоваться утромъ, подумать, пописать, побесѣдовать съ природой. Но это гдѣ ужъ? Это слишкомъ много.

Вотъ яркій примѣръ: у о. Іоанна есть садикъ, который онъ очень любитъ... и вотъ ему почти цѣлыми годами не приходится видѣть его.

— Когда батюшка отдыхаетъ? — спрашиваетъ довольно извѣстный писатель одну изъ кронштадтскихъ почитательницъ о. Іоанна, которая живетъ почти рядомъ съ о. Іоанномъ.

— А Богъ знаетъ. Вотъ въ садикѣ ему за весь годъ всего навсего одинъ часокъ погулять пришлось.

— Всего одинъ часъ?

— Ровнехонько часочекъ. Ѣздилъ онъ это нынѣшнее лѣто къ себѣ на родину въ Суру, а вернулся ночью и совсѣмъ даже неожиданно ни для кого... Всталъ это онъ, значитъ, ранешенько, и прохаживается со своими мыслями по садику... такъ почитай, съ часокъ прохаживался, пока его прохожая молочница не завидѣла... Ну, понятно, ужъ конецъ!..

— Чему же конецъ?

— Значитъ, батюшкину покою. Потому сейчасъ всѣ узнали, что батюшка пріѣхалъ, и къ крыльцу начали набираться съ цѣлаго Кронштадта. И опять значитъ, началась батюшкина „страда".

И дѣйствительно, съ самаго утра уже осаждаютъ

Великій молитвенникъ земли русской, дорогой батюшка о. Іоаннъ посѣщаетъ больныхъ.

домикъ батюшки различные просители. А ему нужно еще „собрать“, какъ онъ говоритъ, душу свою предъ совершеніемъ литургіи. Но горе людское не знаетъ времени и всегда требуетъ помощника и цѣлителя.

Но вотъ звонятъ къ заутренѣ. Домикъ о. Іоанна буквально осаждается народомъ: тутъ и важные господа, и генералы и простые бѣдняки-поселяне. Вотъ стоитъ плачущая отъ горя или радости старушка. За тысячи верстъ притащилась она, чтобы увидѣть его, дорогого батюшку, молитвенника за Русь православную.

И на пути благословляя всѣхъ, идетъ или ѣдетъ о. Іоаннъ въ церковь.

И вся толпа, какъ волнующееся спѣлое море колосьевъ подъ дуновеніемъ вѣтра, устремляется за нимъ, чуть не на плечахъ вынося его самого, или его карету. Въ воздухѣ слышны крики радости, вопли о помощи.

А храмъ уже биткомъ набитъ народомъ.

Съ трудомъ удается о. Іоанну пройти въ алтарь, но и здѣсь его находятъ просители и здѣсь предъ престоломъ Всевышняго льются ихъ слезы, слышатся вздохи смущенной души.

Начинается служба.

Молится о. Іоаннъ порывисто, страстно, вдохновенно.

Одинъ изъ сослужившихъ съ нимъ однажды — разсказываетъ:

— „Мнѣ запомнился особенно одинъ моментъ на службѣ за утреней. Канонъ на клиросѣ читаетъ о. Іоаннъ всегда самъ. Нельзя не обратить вниманія на это чтеніе. Умиленіе, восторженность, твердость, надежда, упованіе, радость, печаль, глубокое благоговѣніе, — все слышалось въ этомъ дивномъ чтеніи.

„О. Іоаннъ подошелъ къ жертвеннику, сталъ пѣ-

редъ нимъ на колѣни, руки сложилъ крестообразно на жертвенникѣ, голову склонилъ на нихъ.

„Подъ руками у него были, кажется, записки съ просьбой помянуть больныхъ, умершихъ.

Я смотрѣлъ на него изъ-за колоннъ. Волосы прядями ниспадали на плечи; весь онъ былъ освѣщенъ слабымъ утреннимъ свѣтомъ, едва, едва пробившимся сквозь толпу утренняго сѣвернаго тумана. Онъ находился въ такомъ положеніи около десяти минутъ. Казалось со стороны, что онъ умеръ и предъ нами было только его тѣло; оставленное, сброшенное его душой, какъ бы какая одежда. Мнѣ живо вспомнились въ эту минуту тѣ картины, на которыхъ изображено, какъ душа по разлученіи съ тѣломъ, съ неба созерцаетъ его. Тѣло тамъ, дѣйствительно, представляется какъ бы одеждой, оставленной, сброшенной душой.

„О какая молитва, какой священный моментъ! Человѣкъ оставляетъ землю и возносится душею на небо, житель земной проникаетъ въ горніе міры, ограниченный разумѣетъ тайны неба, плотяной становится духовнымъ, немощный укрѣпляется, скорбящій утѣшается, сильный становится болѣе сильнымъ.

„Читаетъ о. Іоаннъ, какъ бы бесѣдуетъ, разговариваетъ со Спасителемъ, Божьей Матерью и святыми, какъ бы они вотъ здѣсь предъ нимъ находились а не тамъ гдѣ-то въ недозримой для насъ выси, въ надзвѣздныхъ заоблачныхъ мірахъ“.

(Два дня въ Кронштадтѣ. Арх. Евдокимъ).

Но главная радость о. Іоанна, когда онъ совершаетъ Божественную Литургію.

Тогда онъ преображается. И, кажется, небесныя

силы видимо сослужатъ ему, когда онъ приноситъ Господу Безкровную Жертву.

Самъ батюшка о. Іоаннъ видитъ въ это время святыхъ Божіихъ и Самого Господа.

— Смотрите, смотрите—не рѣдко восклицалъ онъ во время проскомидіи.—Вотъ онъ—Христосъ. Здѣсь Онъ, здѣсь среди насъ и мы около Него, кругомъ Его, какъ апостолы!..

Толпы народа переполняютъ храмъ.

А о. Іоаннъ весь охваченъ сознаніемъ огромной отвѣтственности предъ этими немощными, ввѣрившими ему себя, благо своей души и тѣла, и точно спѣшитъ молиться за нихъ; молится порывисто, настойчиво, не проситъ, а требуетъ отъ Бога исполненія просьбъ этихъ несчастныхъ, съ властностью священника, поставленнаго Христомъ. Онъ хватается за край ризы Господней, требуя милости душамъ, ввѣреннымъ ему отъ Господа.

Молитва необычайная, непобѣдимая, захватывающая!..

За службою и совершается та общая исповѣдь, о которой могутъ разсказать много поучительнаго паломники кронштадтскіе.

О. Іоаннъ стоитъ на амвонѣ — передъ нимъ застылъ въ нѣмомъ ожиданіи народъ.

— Грѣшники и грѣшницы, подобные мнѣ!—говоритъ батюшка.—Вы пришли въ храмъ сей, чтобы принести Господу Іисуса Христу, Спасителю нашему, покаяніе во грѣхахъ и потомъ приступить къ св. Тайнамъ?

Но приготовились ли вы къ воспринятію столь великаго таинства?

Знаете ли, что великій отвѣтъ несу я предъ пре-

Копія съ адреса, поднесеннаго дорогому батюшкѣ о. Іоанну Кронштадтскому въ день двадцатипятилѣтняго юбилея.

столомъ Всевышаго, если вы приступите, не приготовившись?

Знайте, что вы каетесь не мнѣ, а Самому Господу, Который невидимо присутствуетъ здѣсь, Тѣло и Кровь Котораго въ настоящую минуту находятся на престолѣ...

Слушайте... буду читать покаянныя молитвы. — И онъ читаетъ громогласно и умилительно:

„Боже, Спаситель нашъ, прости рабовъ твоихъ".

Читаетъ молитвы покаянія и толкуетъ каждую молитву.

И какъ огонь, какъ небесный громъ, ударяютъ слова батюшки на души молящихся.

Его простая молитва сопровождается вздохами умиленной и потрясенной до глубины сердца толпы. Слышны рыданія, вопли, кто-то открыто кается въ страшномъ преступленіи, которое много лѣтъ лежало тяжелымъ бременемъ на его душѣ.

А о. Іоаннъ стоитъ передъ образомъ Спасителя и пламенно молится. Онъ проситъ Божія милосердія и прощенія кающимся. Онъ плачетъ о народѣ.

И весь храмъ рыдаетъ, видя слезы своего пастыря и долго долго не могутъ умолкнуть рыданія и судорожныя всхлипыванія.

— Покаялись ли вы? Желаете ли исправиться? — громко обращается батюшка къ молящимся.

– Покаялись, батюшка. Желаемъ исправиться. Помолись за насъ! — несется голосъ толпы.

И о. Іоаннъ простираетъ надъ нею свою епитрахиль и читаетъ разрѣшительную молитву.

Вотъ служба кончилась, о. Іоаннъ выходитъ изъ храма. Тутъ уже буквально приходится спасать его отъ толпы. Всякій хочетъ подойти поближе къ до-

рогому пастырю, благословиться у него. Одинъ разъ его даже повалила на землю народная толпа.

А дома ждутъ его новыя лица, которымъ нужна его помощь.

Почта каждый день несетъ ему сотни писемъ Пишутъ изъ всѣхъ концовъ Россіи, изъ Франціи, Англіи, Америки, Швеціи.

Вездѣ ходитъ горе. Люди забываютъ о своихъ разногласіяхъ въ вѣрѣ, и прибѣгаютъ къ помощи кронштадтскаго батюшки.

Мусульмане и тѣ просятъ молитвы о. Іоанна.

Пишутъ дѣти о своихъ дѣтскихъ нуждахъ и печаляхъ, пишутъ люди о совершенно свѣтскихъ посторонніхъ вещахъ.

Въ каждомъ письмѣ уголокъ души писателя и всѣ просятъ помощи или совѣта.

А то иному и такъ хочется открыть предъ взоромъ пастыря свою наболѣвшую душу. Онъ пишетъ ему, даже не сообщая своего имени. Батюшка все равно помолится о немъ, какъ и о всѣхъ скорбящихъ и озлобленныхъ, милости Божіей и помощи требующихъ.

И о. Іоаннъ отвѣчаетъ почти на всѣ письма, на многія даже сразу.

Отдохнувъ немного, если не надо ѣхать куда къ больному, о. Іоаннъ отправляется по квартирамъ и постоялымъ дворамъ, гдѣ уже дожидаются его цѣлыми сотнями жаждущіе его помощи люди.

Его обступаютъ со всѣхъ сторонъ, цѣлуютъ ему руки, каждый ждетъ очереди излить предъ нимъ свою душу, перебиваютъ другъ друга, горе просится наружу въ слезахъ и вопляхъ.

Много надо любви имѣть въ своемъ сердцѣ, чтобы выслушать всѣ эти простые разсказы, понять

горе каждаго бѣдняка и откликнуться тепло и участливо на всѣ эти отрывочныя, робкія мольбы страдающихъ людей!

Какія житейскія драмы проходятъ предъ о. Іоанномъ!..

Вотъ бѣдная, плохо одѣтая женщина, съ печалью нужды и горя на истомленномъ лицѣ, съ болью стыда и боязни подходитъ къ батюшкѣ и умоляетъ его о милосердіи, о. Іоаннъ тотчасъ же подаетъ ей пакетъ, присовокупляя при семъ благой совѣтъ „не отчаяваться въ скорби, а надѣяться на Бога".

Обласканная и осчастливленная женщина съ горячими слезами благодарности цѣлуетъ милосердную руку своего благодѣтеля и въ порывѣ сердечнаго умиленія падаетъ къ его ногамъ.

Вслѣдъ за нею подводятъ болящаго, и ему оказывается благодѣяніе въ видѣ участливой, теплой молитвы объ его здравіи. Длинною вереницею тянутся люди съ различными просьбами, и никто не уходитъ не утѣшеннымъ, никто не плачетъ тутъ слезами скорби.

Тутъ льются слезы, но то слезы радости и умиленія. Съ какими мелочами обращаются къ о. Іоанну, но для него нѣтъ мелочей чужой души — всѣ важны.

— Батюшка, обижаютъ меня дома, некуда головы мнѣ преклонить! — обращается къ нему одна женщина.

— Кто обижаетъ? — спрашиваетъ о. Іоаннъ.

— Домашніе, батюшка!..

— Иди домой, помирись; больше, Богъ дастъ, не будутъ обижать?..

И женщина съ глубокой вѣрой выслушиваетъ эти слова и уходитъ домой совершенно успокоенной.

Другая спрашиваетъ:

О. Іоаннъ среди инокинь Леушинскаго монастыря.

— Сынъ у меня пропалъ, родимый, какъ молиться мнѣ за него, за здравіе или за упокой?

— Домой иди, — говоритъ о. Іоаннъ, — тамъ увидишь.

Третья проситъ благословить только что просватанную замужъ дочь.

— Богъ благословитъ, — отвѣчаетъ батюшка — былъ бы мужъ богобоязненный и добрый, любилъ бы ее, а тебя почиталъ.

Странницы, монахини, заѣзжіе и прохожіе — съ крайняго сѣвера и съ далекаго юга, изъ Сибири и далекой Малой Азіи — всѣхъ можно встрѣтить въ Кронштадтѣ у батюшки.

Нерѣдко, при такихъ посѣщеніяхъ батюшки, совершаются исцѣленія его молитвою.

Одна больная разсказываетъ: — „Батюшка зашелъ къ намъ 15 января. Передъ общимъ молебномъ я просила его благословить на операцію, — онъ ничего не сказалъ мнѣ. Послѣ молебна я опять прошу его въ нашъ номеръ отслужить молебенъ и благословить меня на операцію. Онъ опять не сказалъ мнѣ ни слова и какъ будто не обратилъ никакого вниманія на мою просьбу. Такъ мнѣ было прискорбно, грустно... Господи, какая я жалкая, несчастная!..

Чрезъ нѣсколько времени къ намъ пришелъ о. Іоаннъ. Онъ прямо подошелъ ко мнѣ и говоритъ: — „Скажи мнѣ, что у тебя за горе, что у тебя болитъ?".

А въ глазахъ его, и въ словахъ, и въ самомъ голосѣ столько доброты, столько участія ко мнѣ несчастной, что я упала къ нему на грудь и сквозь слезы и рыданія стало ему безсвязно говорить, что вотъ уже четвертый годъ я ужасно страдаю, болитъ нога, и я рѣшилась на операцію, прошу благословить меня...

— Отчего это произошло? не помнишь день — начало болѣзни. — Я помню этотъ день хорошо — 13 сентября, когда я повредила ногу на балу, — а только теперь совѣсть уличаетъ меня, что подъ такой великій праздникъ Воздвиженія Св. Креста я скакала и бѣсновалась, какъ сумасшедшая.

Онъ сталъ разспрашивать меня про мою жизнь. Я раскрыла предъ нимъ всю мою скорбную душу. Онъ далъ мнѣ выплакать всѣ мои слезы на своей груди.

— Надѣйся на милость Божію, молись, только искренно, съ полною вѣрою, Господь исцѣляетъ всякіе недуги тѣлесные и душевные. Имѣешь ли ты такую вѣру?..

— Я вѣрю, что Господу все возможно, но я недостойна такой милости Божіей; помолитесь, батюшка за меня несчастную!..

— Молись и сама, только со всею искренностью; какъ твое имя?

— Татьяна.

Потомъ, обратясь ко всѣмъ, онъ сказалъ:

— Помолимся всѣ вмѣстѣ о сестрѣ нашей во Христѣ, о болящей Татіанѣ!

Отслуживъ молебенъ, онъ освятилъ воду, погрузивъ крестъ, и всю воду съ креста излилъ мнѣ на голову, далъ приложиться къ кресту и сказалъ:

— Да поможетъ тебѣ Господь Богъ и Царица Небесная!..

Я почувствовала необыкновенную радость, силу, бодрость; прошу батюшку благословить иконою Казанской Божіей Матери.

Онъ благословилъ и сказалъ:

— Всегда прибѣгай съ сердечной молитвой къ Господу и Царицѣ Небесной.

Благословивъ всѣхъ присутствующихъ, онъ говоритъ мнѣ:

— Теперь пойдемъ и еще помолимся вмѣстѣ.

Я пошла съ нимъ въ другой номеръ, гдѣ прослушала молебенъ.

— Пойдемъ еще помолимся!..

Я пошла съ нимъ въ третій номеръ.

Послѣ молебна онъ благословилъ меня и сказалъ:

— Я зайду къ вамъ проститься!..

Я воротилась въ свой номеръ. Всѣ мы были радостныя, оживленныя, у всѣхъ только и разговоровъ, что какой батюшка добрый, какой ласковый, внимательный — какъ входитъ къ намъ самъ батюшка, посидѣлъ съ нами, приласкалъ насъ. Уходя, онъ благословилъ всѣхъ насъ, потомъ съ улыбкою посмотрѣлъ на всѣхъ и сказалъ: „ну, прощайте, сестренки, да благословитъ насъ Господь!“.

Вотъ обойдены всѣ квартиры и комнаты, о. Іоаннъ снова сквозь толпу народа, какъ черезъ густую цѣпкую ниву, пробирается на свой экипажъ.

Дорогою опять благословляетъ, опять раздаетъ деньги.

Ему нужно ѣхать въ Петербургъ, гдѣ тоже ждутъ дорогого батюшку.

И только позднею ночью онъ вновь въ Кронштадтѣ. Снова его встрѣчаютъ, кого горе захватило въ ночное время, и усталость батюшки уступаетъ мѣсто любви и милосердію.

А тамъ четыре, пять часовъ отдыха и молитвы.

Въ окошко уже брежжитъ заря, начинается новый день.

VI.

О. Іоаннъ на родинѣ.

Ежегодно въ концѣ мая или въ началѣ іюня о. Іоаннъ ѣздитъ въ свою далекую Суру.

Это для него своего рода поломничество. Объ отдыхѣ здѣсь и думать нечего въ два-три дня, какіе онъ проводилъ на родинѣ.

Нѣтъ, оръ ѣздитъ сюда, какъ на мѣсто, гдѣ еще съ нимъ, ребенокъ Ваней, говорилъ Господь въ цвѣтахъ и деревьяхъ, въ шопотѣ лѣса, молчаливомъ сіяніи утренней зари.

Весь Кронштадтъ сбирается на проводы о. Іоанна.

Многіе ѣдутъ съ нимъ, хотя въ Сурѣ у нихъ нѣтъ ни знакомыхъ, ни друзей. Ѣдутъ, чтобы пробыть лишній день вмѣстѣ съ батюшкой, чтобы посмотрѣть ту землю, которая вспоила и вскормила для нихъ такого великаго молитвенника.

Остающіеся не хотятъ отпускать батюшку отъ себя, хватаются за борты парохода, плачутъ.

Но вотъ пароходъ отошелъ и остановился.

Это какой-то запоздалый проситель остановилъ батюшку своимъ раздирающимъ душу крикомъ о помощи.

И съ парохода приходитъ къ нему утѣшеніе.

Вся дорога проходитъ какъ-то необыкновенно. Не похоже на простое путешествіе. Это паломничество въ святую землю. Вездѣ къ берегамъ сбѣгаются толпы народа, смотрятъ на пароходъ, гдѣ на кормѣ стоитъ знакомая имъ фигура „кронштадтскаго молитвенника за всю Россію“.

И о. Іоаннъ, стоя, благословляетъ ихъ.

А когда пароходъ пристаетъ гдѣ-либо и о. Іоаннъ выходитъ на землю — его буквально не оторвать отъ этой огромной толпы, что собралась на берегу, прося его молитвъ.

На пароходѣ о. Іоаннъ то читаетъ Евангеліе, то заноситъ въ дневникъ свои впечатлѣнія, то обдумываетъ проповѣдь къ слѣдующему дню.

Каждый день во время пути пароходъ останавливается гдѣ-либо и о. Іоаннъ совершаетъ обѣдню.

Рѣдко лишь можно застать его безъ дѣла. Лишь необыкновенный по своей прелести видъ полей и лѣсовъ на мгновеніе, на нѣсколько минутъ привлечетъ его вниманіе.

Вотъ, наконецъ, виднѣются и Суры, небольшое село. Но издали оно кажется маленькимъ городкомъ.

Рядомъ со старою деревянною церковью во имя св. Николая Чудотворца величественно глядитъ на окрестности большой новый каменный храмъ во имя того же святого, окруженный красивой каменной оградой съ желѣзной рѣшеткой. Тутъ же по сосѣдству стоятъ два большихъ каменныхъ дома: въ одномъ изъ нихъ помѣщается школа, въ другомъ монастырская лавка. Немного дальше — часовня, построенная надъ могилой родителей о. Іоанна, домъ священника и рядъ большихъ, просторныхъ избъ.

Это все созданіе о. Іоанна. Все населеніе Суры высыпаетъ на набережную встрѣтить о. Іоанна.

Нужно ли описывать радость ихъ при встрѣчѣ любимаго батюшки, трудами и жертвами котораго воздвинуто благосостояніе всего села.

Въ своемъ селѣ о. Іоаннъ основалъ женскую обитель. Теперь тамъ уже около 120 сестеръ.

О. Іоаннъ служитъ въ родномъ храмѣ, учитъ народъ, обходитъ всѣ дома селенія, жителей котораго знаетъ поименно, интересуется ихъ дѣлами, распрашиваетъ объ ихъ нуждахъ и щедро помогаетъ.

И тутъ же не забываетъ наставить, утѣшить и вразумить.

О. Іоаннъ служитъ панихиду и молится на могилахъ родителей; идетъ въ школу, куда ужъ собралась пестрая толпа сурскихъ ребятишекъ.

Ласково бесѣдуетъ съ ними батюшка, никого не обойдетъ добрымъ словомъ.

Когда онъ выходитъ оттуда, дѣти радостные провожаютъ его, толпятся около него, каждому хочется, чтобы добрый батюшка еще разъ обратилъ на него вниманіе ласковымъ словомъ.

А вечеромъ, когда онъ добирается до дома, гдѣ приготовленъ ему ночлегъ, вновь приходятъ крестьяне.

Они глубоко уважаютъ батюшку и спрашиваютъ у него даже практическихъ указаній о своемъ хозяйствѣ, о постройкѣ дома, женитьбѣ сына и т. п.

И лишь поздняя ночь застаетъ его спящимъ.

О. Іоаннъ ѣдетъ обратно, въ Кронштадтъ. Ѣдетъ послѣ обѣдни, снова бѣжитъ за нимъ народъ, не хочетъ отпускать его, зоветъ пріѣзжать его скорѣе.

Такъ ѣздитъ на родину о. Іоаннъ.

VII.

Отдѣльныя черты изъ жизни о. Іоанна.

---

1. Другъ трезвости.

Нѣтъ, кажется, порока, столь ненавистнаго для о. Іоанна, какъ пьянство. Съ самаго начала своей дѣятельности батюшка о. Іоаннъ ведетъ ожесточенную борьбу съ этимъ врагомъ народнаго здравія.

Онъ вразумляетъ пьяницъ, говоритъ проповѣди, старается направить умъ ихъ на нѣчто большее и высшее.

— Никто еще не родился пьяницей, а сдѣлался имъ при жизни — говоритъ батюшка. — Конечно, часто наслѣдственное предрасположеніе играетъ здѣсь роль, но корень и причина зла кроется внутри, въ насъ самихъ. Если сила вѣры властна настолько, чтобы поднять насъ со смертнаго одра, то она имѣетъ достаточно мощи заставить насъ пить умѣренно, то есть остановиться на той рюмкѣ, послѣ которой мы перестаемъ носить образъ и подобіе Божіе, приближаемся къ животному...

Не бояться, а презирать мы должны врага. Плохой воинъ, который боится встрѣчи съ непріятелемъ. Если ты будешь бѣгать отъ водки, какъ отъ властнаго твоего соблазнителя, то рано или поздно попадешь къ нему въ лапы.

Андреевскій соборъ въ г. Кронштадтѣ.

Въ Кронштадтѣ случился пожаръ, сгорѣло много домовъ. О. Іоаннъ говоритъ по этому поводу:

„Что навлекло на насъ эти бѣдствія? Грѣхъ и беззаконія наши. Ибо, что ни воскресный или праздничный день, то у насъ въ городѣ пьянство, распутство, сквернословіе, безчинство, драки, крики, разбои, истый Содомъ и Гоморра. Зато, послѣ безумнаго веселья многихъ встрѣтило великое горе, когда они увидѣли имущество свое въ пламени. За грѣхи беззаконниковъ пострадали и многіе честные люди. Такъ на насъ праведный Господь мгновенно посылаетъ пламень огненный... И все мы не вразумляемся. „Если всѣ питейные дома и трактирныя заведенія у насъ въ городахъ и въ воскресные и въ праздничные дни будутъ открыты съ утра до вечера, и русскій народъ будетъ кощунственно въ дни святые, Богу опредѣленные, пить и напиваться, курить и накуриваться,— то не мудрено, что въ какое-нибудь столѣтіе русскіе сами выжгутъ свои города"...

О. Іоаннъ открылъ въ г. Кронштадтѣ нѣсколько мастерскихъ, гдѣ бы въ трудѣ искали себѣ забвенія отъ алкоголя несчастные люди, склонные къ спиртнымъ напиткамъ.

Очень много неисправимыхъ, повидимому, пьяницъ исправилось подъ его руководствомъ.

И предъ о. Іоанномъ проходили тысячи погибшихъ. Онъ постоянно выслушивалъ ихъ исповѣди о тѣхъ ужасныхъ драмахъ, которыя произошли въ ихъ жизни, благодаря только пьянству.

И о. Іоаннъ, поэтому, не можетъ никогда пройти мимо этого ужаснаго явленія.

— Пьянство — говоритъ онъ — діавольская сѣть,

діавольсктя отрава; ибо пьянство губитъ души человѣческія, а вмѣстѣ съ душами и тѣла. Что такое питейные дома? Западни діавола. Въ домахъ ставятъ какую нибудь посуду съ мухоморною водою, для изведенія мухъ; мухи напьются ея, опьянѣютъ, и потомъ издыхаютъ. Подобны этому и питейные дома. Вино, не въ мѣру принятое,—человѣкоубійственная вещь. А человѣкъ жаденъ; это его природная немощь, наслѣдованная отъ первыхъ людей. Винопродавцы—простите мнѣ—не человѣкоубійцы ли вы? Какъ такъ? Очень просто. Человѣкъ, особенно простой, необразованный, да и всякъ—слабъ, грѣшенъ; его легко втравить во всякій порокъ. А содержатели питейныхъ домовъ втравляютъ бѣдный народъ въ пьянство. Но, горе человѣку тому, говоритъ Спаситель, имже соблазнъ приходитъ; ибо Сынъ человѣческій, Сынъ Божій, пріиде взыскать и спасти погибшаго.

Горе строющимъ и умножающимъ питейные дома. Люди гибнутъ и тѣлесно и душевно, какъ мухи отъ мухоморной жидкости, отъ умноженія питейныхъ домовъ и винной продажи, а содержатели этихъ домовъ виновны въ ихъ погибели. А кто эти погибающіе?—Дѣти Отца небеснаго; дѣти Господа Животворящаго, породившаго ихъ въ купели крещенія...

Если содержатели питейныхъ домовъ и тѣ, кто строитъ во множествѣ ихъ, хотятъ заслужить помилованіе на страшномъ судѣ Господа: да очистятъ немедленно питейные дома отъ вина, и пусть обратятъ ихъ въ жилые дома или для другихъ настоящихъ надобностей; время перестать играть виномъ и губить души и тѣла бѣднаго народа. А вы, людіе Господни, немедленно перестаньте пьянствовать и

раззорять себя и свои семейства, чтобы не погубить свои души и тѣла. Именемъ Господнимъ умоляю Васъ,—бросьте пьянство и особенно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

Дни Господни надо свято чтить воздержаніемъ, молитвою и добродѣтелью, а не осквернять пьянствомъ, буйствомъ, сквернословіемъ и другими непотребными дѣлами. Не растлѣвайте же себя пьянствомъ. Помните, что Ваши тѣла—нерукотворенные храмы Св. Духа: но аще кто Божій Храмъ растлитъ, того растлитъ Богъ, т. е. и здѣсь подвергнетъ болѣзнямъ и при кончинѣ самому смрадному тлѣнію, а въ будущемъ вѣкѣ вѣчному тлѣнію въ вѣчномъ огнѣ.

Не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ глаголюще себѣ во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснѣхъ духовныхъ, поюще и воспѣвающе въ сердцахъ вашихъ Господеви".

---

2. Любовь къ дѣтямъ.

Отецъ Іоаннъ любилъ дѣтей и они довѣрчиво относились къ нему.

Въ своемъ дневникѣ о. Іоаннъ съ страшною болью разсказываетъ, какъ онъ въ „минуту" искушенія отстранилъ рукой съ запятокъ саней мальчика. Тотъ упалъ и расшибся. Конечно, это только нравственная чуткость о. Іоанна предполагала, что мальчикъ ушибся, но самъ о. Іоаннъ послѣ этого долго мучился душею.

— „Вы дѣти мои, ибо я родилъ васъ и рождаю благовѣствованіемъ о Христѣ Іисусѣ; духовная кровь моя—наставленія мои, текутъ въ жилахъ вашихъ; я напоилъ и пою васъ, какъ бы изъ сосцовъ мать, млекомъ словеснымъ. Вы дѣти мои, потому что я имѣю васъ всегда въ сердцѣ своемъ и молюсь за васъ. Вы—дѣти мои, потому что я, дѣйствительно, какъ священникъ, отецъ, и вы называете меня батюшкою. Дѣти!—Это слово очень, очень не нравится діаволу, виновнику нелюбви, злобы и лицемѣрія, но я, Богу помогающу, ни на минуту не повинуюсь ему и буду называть васъ не иначе, какъ дѣтьми, ибо вы дѣйствительно—дѣти по вѣрѣ, по церкви Божіей и по принимаемымъ отъ меня наставленіямъ и отеческому руководству. И заключеніе въ духѣ искренности прибавляетъ сказать искренно чужимъ дѣтямъ „дѣти“ — только Духомъ святымъ, духомъ искренности и любви.

— „Да сіе и аминь!“

Такъ говоритъ о. Іоаннъ съ дѣтьми про нихъ.

Ему понятны дѣтскія нужды, недоумѣнія, близка дѣтская душа, на которой можно записать, что угодно.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ дневника о. Іоанна о дѣтяхъ.

„Дѣти! Когда нѣкоторые изъ родителей хотѣли подвести къ Господу дѣтей, апостолы препятствовали имъ. Видя это, Господь запретилъ имъ, говоря: „оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ“.

„Вотъ вамъ, дорогіе, пріятное, живое, утѣшительное слово, не мое, а евангельское. Запомните его всѣ и положите глубоко, глубоко, въ сердце. Помните, какъ любилъ дѣтей, любитъ ихъ и теперь Самъ Господь

Іисусъ Христосъ; какъ строго запретилъ Онъ своимъ ученикамъ, чтобы не препятствовали имъ приходить къ Нему во всякое время, такъ какъ въ ихъ простыхъ сердцахъ почиваетъ Богъ; какъ обнималъ ихъ, возлагалъ на нихъ Свои пречистыя руки и благословлялъ ихъ. Помните, говорю, эти дорогія слова евангелія, воодушевляйтесь и утѣшайтесь ими; носите ихъ въ сердцахъ своихъ и не будьте легкомысленны, невнимательны и неблагонравны, чтобы не оскорбить вамъ чѣмъ-либо горячо-любящаго васъ Спасителя. Учитесь прилежно закону Божію и всему полезному ученію. Не опускайте въ воскресенья и другіе праздники ходить въ Храмъ Божій, и никто, и ничто пусть не препятствуетъ вамъ въ этомъ. Въ храмѣ особенно Богъ принимаетъ наши молитвы. Молитесь съ сердечнымъ вниманіемъ дома и въ классѣ. Молитва есть бесѣда дѣтей съ Отцомъ Небеснымъ.

„Уважайте и любите начальниковъ и наставниковъ вашихъ, которые, послѣ родителей, ваши первые доброжелатели и благодѣтели,—руководящіе васъ ко всему доброму и полезному. Уважайте и сами себя и не доводите себя до поступковъ, унижающихъ и безчестящихъ васъ. Помните, что Господь Іисусъ Христосъ и теперь съ вами всегда невидимо, Самъ учитъ васъ невидимо, внутренне, если вы внимательны. Всякою наукою дорожите, всякую науку любите, потому что всякую науку открылъ Господь Богъ, источникъ разума и премудрости. Учитесь охотно и прилежно. Когда будетъ вамъ трудно, или скучно, обращайтесь смѣло съ вѣрою къ Господу Іисусу Христу, любящему васъ, и Онъ тотчасъ поможетъ Вамъ. Онъ особенно любитъ слушать дѣтскія,

усердныя молитвы, какъ наилучшій отецъ. Любите и берегите другъ друга.

„Любезныя дѣти! Ростите и зрѣйте во благодати Божіей и яко новорожденніи младенцы словесное и нелестное молоко возлюбите Божіе слово, Божій Законъ.

„Рядомъ съ науками внѣшними старайтесь преуспѣвать въ внутренней сердечной наукѣ, вѣрѣ молитвѣ, кротости, сострадательности.

„Болѣе всего учитесь языку любви. „Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, я мѣдь звенящая и кимвалъ бряцающій".

Ласковая улыбка не сходитъ съ лица о. Іоанна, когда онъ съ дѣтьми.

И только, когда онъ видитъ дѣтскія страданія, глубокая скорбь охватываетъ его. И онъ не можетъ пройти равнодушно мимо одной слезы какого-либо ребенка.

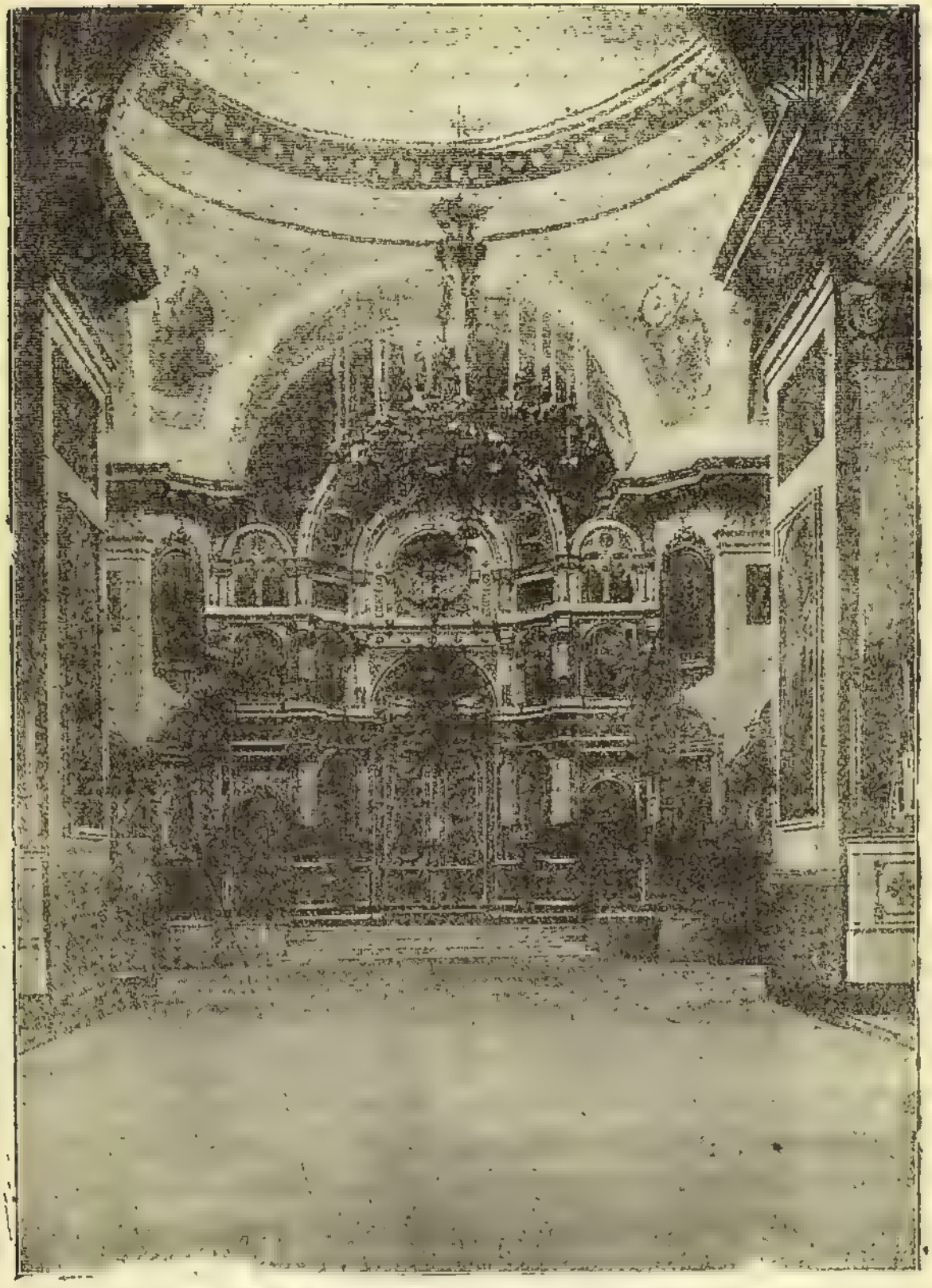
---

3. Другъ бѣдняковъ и обездоленныхъ.

Муравьи дѣлаютъ муравейники, въ которыхъ имъ и зимою бываетъ тепло и сытно; звѣри—логовища; пчелы — ульи; птицы — гнѣзда: пауки — паутины, а люди—дома, церкви и театры, мосты, желѣзныя дороги, броненосныя суда, пароходы, крѣпости и проч. Всякому животному дано отъ Бога, вложено въ природу его умѣнье довольствовать себя, защищать себя отъ вреднаго дѣйствія стихій, или отъ

живыхъ непріятелей; а человѣка, существо Богоподобное въ нравственномъ идеалѣ, царя видимой твари, Богъ надѣлилъ разумомъ, съ помощью котораго онъ изобрѣлъ разныя полезныя науки и искусства и, такъ какъ человѣкъ созданъ для общежитія, и все множество людей должно, по намѣренію Божью, составлять одно тѣло, а порознь члены, то для благоденствія и довольства, для удовлетворенія многочисленныхъ нуждъ человѣчества или обществъ человѣческихъ, премудрость Божія и наука, Богомъ данная, сообщила каждому человѣку, кромѣ общихъ, особенные таланты и умѣнье: иному власть, искусство, силу управлять людьми, другому искусство и власть учить и назидать другихъ; иному сочинять, составлять планы и проекты, а другимъ приводить ихъ въ исполненіе, иному искусство нападать на непріятеля или защищаться отъ него; тому умѣнье вести торговлю, этому производить заводство или фабричное мастерство; иному данъ талантъ ковать или отливать: другому владѣть долотомъ, топоромъ и пилою; иному шить сапоги, а другому умѣнье шить одежду; иному прясть, ткать или вязать, а иному варить и печь. И вездѣ есть люди всякаго дѣла, всякаго умѣнья или искусства. И люди власти, капитала, и плотники, столяры, и печники, и крозельщики, и кузнецы, и литейщики, и портные, и сапожники, и пекаря.

Но рука руку моетъ, и палецъ палецъ; сильные должны носить немощи и немощныхъ. При такомъ богатомъ разнообразіи силъ нашего общества, при такомъ множествѣ людей и образованныхъ, и дѣльныхъ, и искусныхъ, и съ состояніемъ, было бы и предъ Богомъ грѣшно и предъ людьми стыдно оста-



Внутренній видъ главнаго придѣла Андреевскаго собора.

влять такое множество нашихъ членовъ оторванными отъ общественнаго тѣла и отъ его благосостоянія. Отчего не связать ихъ съ общественнымъ организмомъ, соорудивъ для нихъ помѣщеніе и давъ каждому изъ нихъ дѣло, и тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ способны къ разнымъ мастерствамъ... Во имя христіанства, во имя человѣколюбія, взываю: помогите безпріютнымъ бѣднякамъ; поддержимъ ихъ нравственно и матеріально; докажемъ, что чувство человѣколюбія въ насъ еще живо и себялюбіе не заѣло насъ".

Такъ пишетъ о. Іоаннъ. Трудно найти еще такого друга для бѣдныхъ и обездоленныхъ, какъ кронштадтскій батюшка.

Трудами его созданъ въ Кронштадтѣ домъ трудолюбія, гдѣ каждый желающій можетъ найти себѣ работу, много мастерскихъ, ночлежная и столовая, гдѣ бѣднякамъ безплатно, или за самую малую плату, даютъ покровъ и обѣдъ. Для бѣдныхъ больныхъ въ Кронштадтѣ имѣется и безплатная лечебница.

И все это содержится въ исправности. Всѣ средства о. Іоанна уходятъ на бѣдныхъ, но вѣдь онъ не богатъ. Откуда же такая милость Божія? Деньги шлетъ на имя кронштадтскаго батюшки вся Русь, которая считаетъ его своимъ печальникомъ и молитвенникомъ. Изъ грошей, копеекъ составляются громадныя суммы. На лепты бѣдняка и вдовицы, Господь руками о. Іоанна творитъ чудеса благотворенія другой бѣднотѣ. О. Іоаннъ умѣетъ вызвать на добро людей. И въ этомъ нѣтъ ничего такого, что бы заслуживало укора. Такъ поступали всѣ отцы церкви. Св. Златоустъ, находясь въ изгнаніи, и, видя гибель

христіанскаго дѣла и торжество язычества послалъ миссіонеровъ, которые шли на проповѣдь и помогали нуждающимся. Но Златоустъ тогда самъ нуждался. И вотъ слово его властное, голосъ сердца заставлялъ богачей идти на помощь ему.

Такъ и о. Іоаннъ заставляетъ обаяніемъ своей свѣтлой личности — приходить на помощь своимъ друзьямъ — людей состоятельныхъ, у кого еще не зачерствѣло сердце и находится лишняя копейка въ карманѣ.

Интересны цифры, въ какихъ выражается благотворительность о. Іоанна въ одномъ Кронштадтѣ.

Въ школахъ его обучалось въ 1902 году бѣдныхъ дѣтей безплатно: въ народномъ училищѣ 259 дѣтей... въ воскресной школѣ 153 человѣка... въ мастерскихъ 61 человѣкъ. Призрѣвалось дѣтей-сиротъ въ пріютѣ 86, немощныхъ старыхъ въ богадѣльнѣ 22. Пользовались трудовою помощью: въ пенькощипной мастерской 7.281 чел. и въ работной комнатѣ 1.482 женщины. Выдано изъ народной столовой бѣднымъ пищи безплатно или за самую ничтожную плату 172.854 порціи. Въ ночлежномъ пріютѣ ночевало 33.204 человѣка. Пользовались даровыми и дешевыми квартирами 90 чел. Оказана денежная помощь бѣднымъ 8.539 р. 49 коп. Кромѣ того, бѣднымъ къ Рождеству и Пасхѣ оказана помощь бѣльемъ, одеждою, обувью и провизіей.

Это только въ 1902 году. На одно содержаніе дома трудолюбія за все время его существованія (20 лѣтъ 1882—1902 гг.) о. Іоанномъ израсходовано: 731.216 р. 17 к.

А сколько еще разлито щедротъ его по другимъ городамъ. и глухимъ весямъ земли русской.

Во истину у бѣдныхъ есть теперь вѣрный другъ и этотъ другъ въ Кронштадтѣ, батюшка о. Іоаннъ.

VIII.

Нѣкоторые случаи изъ жизни о. Іоанна.

(Кронштадтскій молитвенникъ за русскую землю).

Жизнь заставляла о. Іоанна сталкиваться съ различными людьми: вѣдь такъ много ищущихъ получить облегченіе и исцѣленіе души и тѣла молитвою добраго батюшки.

И предъ Богомъ сильна молитва кронштадтскаго пастыря, много чудесныхъ исцѣленій, необыкновенныхъ случаевъ подачи Божіей помощи совершилось и совершается молитвою о. Іоанна.

Въ послѣднихъ числахъ января 1892 года былъ весьма характерный случай исцѣленія больного купца, Ф-ва.

Ф-въ жилъ какъ живетъ большинство мірянъ... Ходилъ въ церковь, говѣлъ въ два года разъ, крестился проходя мимо храмовъ и только. Молился онъ дома рѣдко; евангелія не имѣлъ вовсе; о Богѣ, о душѣ, о смерти никогда не мыслилъ и въ купеческихъ дѣлахъ руководствовался двумя правилами: „не зѣвай, гдѣ плохо лежитъ“ и „не надуешь—не продашь“.

Прожилъ Ф-въ такъ 58 лѣтъ, прижилъ троихъ дѣтей, уже взрослыхъ, воспитанныхъ въ тѣхъ же убѣжденіяхъ. Однажды онъ заболѣлъ тяжелою болѣзнію безъ надежды на выздоровленіе.

Врачи уже не могли ему помочь.

— Надо послать за о. Іоанномъ, не будетъ ли полегче,—говорилъ Ф-въ. Послали. Батюшка пріѣхалъ.

— Что у тебя?—спрашиваетъ у больного о. Іоаннъ.

— Плохо... на ладанъ дышу,—говоритъ Ф-въ,—врачи говорятъ—порокъ сердца...

— А у тебя былъ ли Богъ въ сердцѣ?—спрашиваетъ батюшка.

— Я—православный,—отвѣчаетъ больной.

— Ну хорошо, молимся!—О. Іоаннъ отслужилъ молебенъ, прочиталъ молитву объ исцѣленіи и, благословляя больного, сказалъ:

— Да будетъ тебѣ по вѣрѣ твоей и по дѣламъ твоимъ.

Только что уѣхалъ батюшка, Ф-въ сталъ метаться по постели, стонать и кричать отъ боли. Горло его душило, въ груди сперло.

— Не долго проживетъ больной,—сказалъ врачъ и улыбнулся, когда ему сказали, что былъ кронштадтскій батюшка.

— Исправь сначала себя, а потомъ жди исцѣленія—припомнилъ Ф-въ слова одного проповѣдника.—Вотъ мнѣ по вѣрѣ моей.

И больной опять сталъ молиться.

На слѣдующій день боль нѣсколько утихла; Ф-въ послалъ сына въ Кронштадтъ просить о. Іоанна помолиться еще разъ за него.

— А что вашъ больной? — спросилъ батюшка, когда ему передали эту просьбу.

— Плохъ еще,—отвѣчалъ сынъ.

— Молится онъ?

И потомъ велѣлъ ѣхать и передать больному, что тотъ скоро выздоровѣетъ.

Когда сынъ вернулся, онъ засталъ больного отца сидящаго на кровати и со слезами благодарящаго Бога...

Выздоровленіе пошло быстро и черезъ недѣлю больной самъ уже былъ въ Кронштадтѣ.

Вскорѣ онъ совершенно выздоровѣлъ и уже вполнѣ перемѣнился въ своей жизни: простилъ всѣхъ должниковъ въ его лавкѣ; кротость, смиреніе и честность сдѣлались его первыми завѣтами, какъ прежде „не зѣвай“ и „надувай“.

— Помните, дѣти, не обижайте другихъ,—часто говорилъ онъ послѣ этого своимъ сыновьямъ.

Марія Д-шъ отличалась очень слабымъ зрѣніемъ, была почти полуслѣпой. Когда ей минуло 14 лѣтъ, на обоихъ глазахъ образовались бѣльма, и она перестала совершенно видѣть.

Родители привезли ее въ Петербургъ, чтобы сдѣлать операцію, но лучшіе окулисты сомнительно покачивали головой, хотя не лишали надежды на возможность удачнаго исхода операціи... Бѣдные люди были просто въ отчаяніи, когда кто то посовѣтовалъ имъ съѣздить въ Кронштадтъ къ батюшкѣ о. Іоанну.

Набожные и религіозные люди—они съ радостію ухватились за этотъ совѣтъ и поѣхали къ о. Іоанну.

Но его сразу не случилось въ городѣ. И вотъ имъ пришлось прождать его нѣсколько дней.

Но вотъ пріѣхалъ о. Іоаннъ, увидѣлъ больную и сказалъ:

— Не дѣлайте ей операціи, съ Божьей помощью пройдетъ.

Послѣ обѣдни батюшка отслужилъ молебенъ, благословилъ больную и ея родителей, и еще разъ успокоилъ ихъ:

— Не бойтесь, пройдетъ...

— Батюшка, мы пріѣзжіе,—сказалъ отецъ больной,—мы нарочно и въ Петербургъ пріѣхали, чтобы сдѣлать ей операцію...

— Поѣзжайте домой, не надо операціи!

Горячо помолившись, родители рѣшили: „Пусть будетъ воля Божія. О. Іоаннъ самъ заговорилъ объ операціи и не велѣлъ дѣлать. Да и врачи вѣдь говорятъ, что она скорѣе ослѣпнетъ, чѣмъ поправится".

И они уѣхали домой въ Калугу со своею дочерью.

Черезъ мѣсяцъ о. Іоаннъ получилъ ихъ письмо, гдѣ они благодарили Бога за полное исцѣленіе ихъ дочери. Болѣзнь ея прошла сама собою безъ всякой врачебной помощи.

Въ Петербургѣ въ одномъ изъ департаментовъ служилъ чиновникъ Т-нъ. Однажды онъ простудился и захворалъ, въ горлѣ сдѣлалась гланда. Врачи давали лекарство, но гланда росла, и наконецъ въ ней образовался нарывъ, грозившій не только заразить кровь организма, но просто-таки задушить больного.

Ни одинъ изъ врачей не брался за операцію. А болѣзнь все усиливалась. Больной уже питался однимъ молокомъ и проводилъ ночи безъ сна.

Онъ жилъ съ матерью, почтенною и набожною старушкою.

— Надо обратиться къ о. Іоанну—сказала мать—я напишу письмо...

— Попросите — отвѣчалъ больной — помолиться, да не согласится ли онъ пріѣхать меня пріобщить св. Таинъ...

Въ тотъ же день письмо было отправлено съ горничною, которая застала батюшку на балтійскомъ вокзалѣ и вручила ему посланіе; при ней же о. Іоаннъ вскрылъ конвертъ, прочиталъ письмо и сказалъ:

— Передай больному, что я исполню его просьбу, а исповѣдываться пусть онъ самъ ко мнѣ пріѣдетъ въ Кронштадтъ.

— Батюшка, да онъ не выходитъ изъ комнаты!— сказала горничная.

— Когда поправится, пусть пріѣдетъ.

Это было около 7 часовъ вечера. Въ тотъ же день въ 8 часовъ вечера нарывъ у больного прорвался и опасность миновала.

А черезъ нѣсколько дней онъ уже былъ въ Кронштадтѣ, благодарилъ батюшку, исповѣдался у него и пріобщился св. Таинъ.

А болѣзнь была очень тяжелая, кончающаяся почти всегда смертельнымъ исходомъ.

Малолѣтній сынъ одного служащаго въ Астраханскомъ губернскомъ казначействѣ Н. П. С. вслѣдствіе воспаленія мозга, лишился зрѣнія на правый глазъ.

Домъ трудолюбія въ Кронштадтѣ, основанный трудами дорогого батюшки о. Іоанна.

По изслѣдованію доктора Д. случай былъ признанъ безнадежнымъ. Докторъ Е., изслѣдуя затѣмъ лѣвый глазъ ребенка, рѣшилъ, что и этому глазу угрожаетъ та же опасность.

Родные мальчика обратились къ о. Іоанну Кронштадтскому и черезъ шесть дней по отправкѣ письма совершенно неожиданно для родныхъ и знакомыхъ мальчикъ сталъ правымъ глазомъ совершенно ясно различать предметы. До этого времени, по словамъ „Астрах. Л.", глазъ мальчика былъ совершенно нечувствителенъ даже къ сильному огню.

Письмо въ редакцію „Русскаго Листка".

„Нѣсколько лѣтъ я страдалъ сильными головными болями, съ которыми было сопряжено общее нервное разстройство организма. Зная, что подобныя болѣзни—неизлечимы, я не прибѣгалъ къ помощи врачей, а, читая не разъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ по молитвамъ о. Іоанна Кронштадтскаго и твердо вѣруя въ милосердіе Божіе, рѣшилъ письменно обратиться къ нему, съ просьбою помолиться обо мнѣ, и далъ себѣ обѣщаніе при первой же возможности съѣздить въ Кронштадтъ и поговѣть у него.

Въ мартѣ прошлаго года мнѣ удалось быть въ Кронштадтѣ и видѣть о. Іоанна, но поговѣть мнѣ у него не пришлось, вслѣдствіе большого стеченія народа. Съ горемъ на сердцѣ вернулся я домой, давъ себѣ вторичное обѣщаніе отправиться на исповѣдь къ о. Іоанну.

Въ мартѣ 1892 года я опять пріѣхалъ въ Кронштадтъ и на этотъ разъ мнѣ удалось исповѣдаться у о. Іоанна и пріобщиться Св. Таинъ.

Послѣ этого я сразу почувствовалъ облегченіе въ своей болѣзни. По пріѣздѣ же домой, не болѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, головныя боли окончательно прекратились, и я сталъ чувствовать себя совершенно здоровымъ.

Губернскій секретарь В. Голосовъ".

Супруга вольнопрактикующаго врача г-жа В—на изъ Енисейска, сообщаетъ:—„Я была сильно больна, употреблены были всѣ усилія для излѣченія моей болѣзни, но ничто не помогало. Мужъ мой пригласилъ для консиліума своихъ лучшихъ коллегъ и они пришли къ тому убѣжденію, что болѣзнь моя неизлечима и что я скоро должна умереть.

Жажда жизни появилась во мнѣ еще сильнѣе, но и болѣзнь моя измучила меня—она тянулась болѣе года.

Я обращалась съ молитвою къ Богу, но помощи не было. На всѣ мои усердныя молитвы мужъ смотрѣлъ съ сомнѣніемъ, такъ какъ онъ причислялъ себя къ невѣрующимъ въ Бога.

Наконецъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ посовѣтовалъ мнѣ послать въ Кронштадтъ къ отцу Іоанну Сергіеву телеграмму съ просьбою, чтобы онъ помолился Господу Богу о моемъ выздоровленіи.

Совѣтъ этотъ глубоко запалъ въ мое сердце. Черезъ нѣсколько времени, потихоньку отъ своего мужа я послѣдовала этому благому совѣту и послала высокочтимому батюшкѣ телеграмму, чтобы онъ помолился обо мнѣ болящей и далъ бы мнѣ отвѣтъ.

И что же оказалось? Черезъ день послѣ молитвы о. Іоанна обо мнѣ грѣшной, мнѣ стало лучше, я ста-

ла быстро поправляться, а въ настоящее время я совершенно здорова и не знаю, чѣмъ могу выразить свою благодарность, которой нѣтъ предѣла, человѣколюбивому батюшкѣ.

Но еще, что для меня пріятнѣе, такъ это то, что мой мужъ, узнавъ, кто былъ для меня чудодѣйственнымъ врачемъ и по чьей молитвѣ я исцѣлилась, сказалъ: „Да, есть Богъ".

Въ мѣстечкѣ Ласканахъ, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, проживаетъ благочестивое семейство Талимочникъ. Мать этого семейства, уже не молодая женщина, заболѣла тяжко, неизлѣчимою болѣзнью, въ которой пролежала болѣе года. Всѣ пособія медицины были напрасны, такъ что больная Ольга (такъ ее звали) просила у Господа одной милости—смерти.

Но кто-то посовѣтовалъ имъ обратиться къ о. Іоанну Кронштадтскому, что они и сдѣлали въ надеждѣ на выздоровленіе. Вѣра и молитва сдѣлали то, что больная въ день Рождества Христова 1890 года совершенно неожиданно почувствовала себя такъ хорошо, что безъ всякой помощи встала съ постели и начала ходить.

Въ 1892 году о. Іоаннъ Кронштадтскій посѣтилъ семейство князя Владиміра Анатольевича Барятинскаго, гдѣ помолился за молодую княжну, прикованную уже два года въ параличномъ состояніи ногъ къ кресламъ. Послѣ молитвы о. Іоанна надъ больною, къ неописуемой радости всѣхъ, больная встала и пошла.

Въ С.-Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ, по Спасской ул., Лиговскій подъѣздъ, въ домѣ подъ № 3, проживала нѣкая г-жа Орлова; у нея были взрослыя дочери и сынъ—преподаватель въ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ. Со второй половины 1891 года, по сообщенію „Петерб. Листка", сама г-жа Орлова сильно захворала. Болѣзнь съ каждымъ днемъ принимала все болѣе угрожающій характеръ. Были приглашены врачи, но они оказались безсильными что-либо сдѣлать.

Надежды на выздоровленіе не было никакой.

Въ ноябрѣ 1891 года состояніе больной было такъ безнадежно, что пользовавшіе г-жу Орлову доктора отказались отъ леченія.

Они говорили, что наука въ такомъ случаѣ безсильна противъ болѣзни.

И вотъ въ концѣ ноября больную исповѣдали и пріобщили, приготовили къ смерти.

Въ это самое время кто то посовѣтовалъ дочерямъ ея обратиться къ о. Іоанну. Это и было сдѣлано.

Не рѣшаясь оставить мать одну, онѣ обратились къ о. Іоанну съ просьбою телеграммой. На другой день утромъ—было воскресенье, въ прихожей раздался громкій звонокъ. Пришелъ отвѣтъ отъ о. Іоанна.

Услышавъ звонокъ, больная, которая раньше не могла безъ посторонней помощи даже повернуться въ постели, теперь почувствовала въ себѣ притокъ силы, поднялась и сѣла, опустивъ ноги на полъ.

О. Іоаннъ извѣщалъ, что онъ молится о болящей.

И съ этихъ поръ къ больной стало возвращаться

здоровье, приходили силы и крѣпость. И скоро отъ тяжелой болѣзни не осталось и слѣда.

О. Іоаннъ часто бываетъ у содержателя трактирнаго заведенія купца Т—ва, отличающаго набожностью и благочестіемъ.

Однажды о. Іоаннъ пріѣхалъ къ нему во время обѣда. Услышавъ объ его пріѣздѣ, въ комнату ворвался на костылѣ разслабленный больной и повалился въ ноги батюшкѣ.

— Нѣсколько лѣтъ,—говорилъ онъ,—мучаюсь: ни смерть, ни здоровье не приходитъ, и врачи ничего не могутъ сдѣлать. Помолитесь, батюшка, одна надежда на васъ!..

О. Іоаннъ поднялъ его, обласкалъ и сказалъ:

— Возлагай свои надежды на Бога, у Него помощь, спасеніе и избавленіе: Онъ долготерпѣливъ и многомилостивъ...

— Твоихъ молитвъ прошу, батюшка!..

— Я не откажу тебѣ въ молитвѣ, но будетъ тебѣ по вѣрѣ твоей... Проси Бога съ вѣрою и постарайся добрыми дѣлами славить имя Его святое...

Затѣмъ о. Іоаннъ всталъ изъ-за стола и вышелъ съ больнымъ въ другую комнату. Опустившись на колѣни, они долго молились... Наконецъ о. Іоаннъ возложилъ на голову больного руки и сказалъ:

— Господи, пошли ему по вѣрѣ его, и да будетъ воля Твоя Святая!

Велика была общая радость и удивленіе, когда больной всталъ съ колѣнъ безъ помощи костыля и, чувствуя себя совершенно бодрымъ, благодарилъ со слезами Бога и добраго батюшку.

Послѣ выяснилось, что больной—приказчикъ суровской лавки С-въ, страдавшій хроническимъ ревматизмомъ такъ, что не могъ вовсе владѣть ногою и постоянно испытывалъ острыя боли во всемъ тѣлѣ.

Доктора говорили, что ревматизмъ скоро коснется сердца и больной долженъ умереть.

Между тѣмъ, черезъ недѣлю послѣ молитвы о. Іоанна, С-въ свидѣтельствовался въ клиникѣ Вилліе, и нѣсколько врачей съ профессоромъ во главѣ нашли его совершенно здоровымъ, такъ что отъ прежней неизлечимой болѣзни не осталось и слѣда.

По совѣту своего хозяина, С—въ обратился къ лечившимъ его врачамъ съ просьбою выдать ему формальное свидѣтельство объ исчезнувшемъ смертельномъ недугѣ, съ каковымъ свидѣтельствомъ онъ обратился въ „общество русскихъ врачей“ и потребовалъ въ публичномъ засѣданіи освидѣтельствовать его теперешнее состояніе и скрѣпить протоколомъ исцѣленіе по молитвѣ кронштадтскаго пастыря.

Дочь лѣсного торговца г. Царицына Ж-на, послѣ родовъ заболѣла ногами, которыя ей сводило такъ сильно, что она не могла ходить. Такъ какъ медицинская помощь оказалась безсильной, то молодую женщину привезли въ Кронштадтъ къ о. Іоанну. Возвратясь оттуда, она въ настоящее время чувствуетъ себя почти совершенно здоровой, благодаря молитвѣ, которую надъ нею совершилъ о. Іоаннъ.

Письмо Д. А. Агренева-Славянскаго въ редакцію „Ревельскаго Вѣстника“.

Путешествуя по Россіи десятки лѣтъ и всегда

лелѣя идею осуществленія народнаго театра и народныхъ зрѣлищъ, я намѣтилъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ пока пѣвцовъ съ ихъ примитивными мелодіями и инструментами, и одинъ изъ нихъ былъ слѣпецъ Иванъ, котораго я нашелъ случайно въ г. Бѣлой Церкви, Кіевской губерніи, на улицѣ играющимъ на своей кобзѣ и поющимъ древніе стихи духовнаго содержанія.

Несчастный слѣпецъ, не болѣе 27 лѣтъ отъ роду, сидѣлъ въ рубищѣ съ своею кобзою или лирою недалеко отъ церкви и въ числѣ другихъ нищихъ выкрикивалъ духовныя пѣсни, привлекая тѣмъ вниманіе проходящей публики, которая иногда бросала копейку въ небольшую деревянную чашку, которую держалъ въ рукахъ оборванный 10-лѣтній мальчикъ, его вожакъ, и съ умоляющимъ видомъ протягивалъ къ проходящимъ.

Я позвалъ этого Ивана къ себѣ въ гостиницу, обѣщалъ ему накормить его и дать ему грошей.

Не поднимая своей обнаженной головы и не открывая глазъ, Иванъ какъ-то странно улыбнулся мнѣ и сказалъ: „Ладно, паночку; приду, спасибо“.

Такъ началось мое знакомство съ Иваномъ, который мнѣ спѣлъ нѣсколько свѣтскихъ пѣсенъ и думокъ про казака Ивана Конопченко и др.

Вспомнивъ объ Иванѣ-кобзарѣ въ данную минуту въ С.-Петербургѣ, я поручилъ одному моему пріятелю въ Кіевѣ отыскать его и немедленно выслать въ С.-Петербургъ.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ С.-Петербурга мнѣ пришлось побывать въ Кронштадтѣ у о. Іоанна и отслужить молебенъ. О. Іоаннъ благословилъ меня

Изба (село Сура, Архангельской губ.), гдѣ родился о. Іоаннъ.

на новое артистическое мое далекое путешествіе, которое я собирался совершить въ эту зиму.

При посѣщеніи меня о. Іоанномъ въ гостиницѣ, гдѣ я остановился, и послѣ молебна, въ разговорѣ съ нимъ, я высказалъ желаніе пріѣхать въ Кронштадтъ концертировать въ пользу погибшаго броненосца „Русалка“.

О. Іоаннъ одобрилъ мое желаніе и высказалъ, что желалъ бы послушать мой хоръ въ церкви при совершеніи имъ литургіи.

Я, конечно, былъ счастливъ исполнить желаніе о. Іоанна, такъ какъ много слышалъ объ его богослуженіи.

Первая обѣдня была пропѣта 22 сентября, и такъ понравилось наше пѣніе о. Іоанну, что я обѣщалъ еще разъ пріѣхать въ Кронштадтъ, чтобы вторично участвовать съ моимъ хоромъ въ Богослуженіи его.

Это состоялось 29 сентября, и я не могу описать того благоговѣйнаго впечатлѣнія, какое я, вся моя семья, и всѣ мои пѣвчіе вынесли изъ Андреевскаго собора. День этотъ останется для насъ всѣхъ незабвеннымъ.

Послѣ обѣдни я попросилъ о. Іоанна къ себѣ, чтобы благословить мою семью и всѣхъ пѣвчихъ. Послѣ молебна съ водосвятіемъ, мы всѣ подошли приложиться ко кресту и получить благословеніе, и въ томъ числѣ я подвелъ къ о. Іоанну и своего слѣпца Ивана, сказавъ батюшкѣ, что вотъ слѣпецъ просить благословенія его и помолиться о немъ.

— А давно ты ослѣпъ?—спросилъ Ивана батюшка.

— Да вотъ уже болѣе 12 лѣтъ, съ малолѣтства ничего не вижу.

— Отчего это случилось? Ты былъ боленъ что ли?

— Да. золотуха у меня была и я ослѣпъ, видно бросилась въ голову. Ходилъ къ докторамъ, ничего не помогли, говорятъ темная вода въ глазахъ.

— Ну, ничего, — сказалъ, нѣжно улыбаясь, о. Іоаннъ.—Я самъ былъ боленъ золотухою и плохо слышу. Давай помолимся Господу Богу.

И при этихъ словахъ онъ взялъ ложкою освященную воду изъ сосуда и, наливъ на руку три раза, какъ бы промылъ глаза Ивана, потрепалъ его по щекѣ, приласкавъ, такъ сказать, и благословилъ, сказавъ:

— Ну Господь помилуетъ тебя, ступай съ Богомъ!

Вечеромъ того же дня я давалъ концертъ въ залѣ кронштадтскаго коммерческаго собранія, и предъ началомъ концерта входитъ въ мою уборную мальчикъ, пѣвчій мой которому было поручено возить Ивана, и, улыбаясь, говоритъ мнѣ:

— А вѣдь Иванъ-то видитъ.

— Какъ видитъ?—спросилъ я удивленный и не довѣряя словамъ мальчика.—Приведи его сюда!

Пришелъ Иванъ.

Иванъ посмотрѣлъ на меня широко открытыми глазами и отвѣчалъ:

— Да, баринъ, я вижу; только какъ будто въ туманѣ!

— Ну, а, вѣдь, до сего дня ты ничего не видалъ, ничего положительно!

– Нѣтъ, ничего не видалъ, я уже болѣе двѣнадцати лѣтъ, съ малолѣтства, ослѣпъ.

Сомнѣваться было невозможно: Иванъ стоялъ передо мною съ открытыми глазами и весело улыбался.

Прошло съ тѣхъ поръ болѣе трехъ недѣль, и съ каждымъ днемъ Иванъ все лучше и лучше сталъ видѣтъ. Въ настоящее время онъ все видитъ хорошо, и всюду самъ ходитъ одинъ. Изъ грустнаго съ опущенною головою и закрытыми глазами Иванъ сталъ веселымъ, разговорчивымъ, поднялъ голову и уже поетъ болѣе веселыя пѣсни.

Д. А. Славянскій.

Газета „Русскій Парижанинъ“ сообщаетъ слѣдующій случай исцѣленія по молитвѣ о. Іоанна.

Житель г. Гавра, г-нъ Куррэ, внезапно помѣшался и былъ помѣщенъ въ домъ умалишенныхъ въ Парижѣ. Никакое лѣченіе не помогало и врачи, наконецъ, объявили опечаленной женѣ его, что ей слѣдуетъ оставить всякую надежду.

Г-жа Куррэ какъ-то читала во французскихъ газетахъ объ о. Іоаннѣ и въ отчаяніи рѣшилась обратиться къ нему.

Она написала письмо, въ которомъ просила батюшку помолиться за ея мужа.

Вскорѣ послѣдовалъ отвѣтъ за № 689 отъ секретаря о. Іоанна, г. Костина. Этотъ отвѣтъ г-жа Куррэ принесла въ редакцію „Русскаго Парижанина“, съ просьбою перевести. Онъ гласилъ:

„Увѣдомляю васъ, что батюшка преподаетъ вамъ свое пастырское благословеніе и молитъ безмѣрную благость Божію простереть свою милость на васъ, молитесь и уповайте на милосердіе Пресвятой Бого-

родицы. Просьбу вашу батюшка исполнилъ и собственноручно написалъ больному мужу вашему письмо, которое и отправилъ ему вмѣстѣ съ образкомъ".

Письмо о. Іоанна было передано больному. Читать по-русски онъ, конечно, не могъ, но тѣмъ не менѣе въ его состояніи скоро появилось улучшеніе, и черезъ мѣсяцъ врачи признали возможнымъ выпустить его изъ больницы, и господинъ Куррэ вновь принялся за свои прежнія занятія.

Образокъ, присланный о. Іоанномъ, онъ носитъ теперь постоянно на груди.

Въ г. Таганрогѣ, въ одномъ еврейскомъ семействѣ В., была тяжко-больная, на выздоровленіе которой врачи уже потеряли всякую надежду.

Когда больной сдѣлалось совсѣмъ плохо, врачъ, также еврей, на вопросы родныхъ, нѣтъ ли какого-либо средства спасти больную, отвѣчалъ, что теперь вся надежда на о. Іоанна Кронштадтскаго, не придавая словамъ своимъ никакого значенія.

Въ тотъ же вечеръ, однако, была послана телеграмма въ Кронштадтъ къ о. Іоанну съ просьбой помолиться о выздоровленіи больной, и на слѣдующее утро у послѣдней появились признаки улучшенія, а черезъ три дня больная совершенно оправилась.

Другая еврейка Х. обратилась къ о. Іоанну письменно изъ Ростова-на-Дону. Она болѣе двадцати лѣтъ страдала болью въ ногахъ и поясницѣ. За эти двадцать лѣтъ больная обращалась ко многимъ врачамъ, была въ Харьковѣ у профессоровъ, но все было безполезно, излѣченія не послѣдовало, и бѣд-

ная женщина въ теченіе долгихъ лѣтъ страдала, не получая ни отъ кого никакой помощи.

Наконецъ, кто-то надоумилъ ее обратиться къ о. Іоанну и просить его помолиться за нее. Г-жа Х. немедленно отправила письмо въ Кронштадтъ, въ которомъ просила его молитвы за нее, несмотря на то, что была еврейка.

Такъ прошло недѣли двѣ, и въ послѣднее время больная стала чувствовать себя значительно лучше, а боль въ ногахъ, по ея словамъ, совершенно прекратилась.

Понятно, когда это стало извѣстно среди мѣстныхъ обывателей и знакомыхъ, всѣ дивились и по примѣру г-жи Х. къ о. Іоанну отправлены были еще письма отъ другихъ больныхъ.

Такъ и для невѣрныхъ находились у о. Іоанна теплая молитва и неослабная помощь.

Въ „Вѣдомостяхъ С.-Петербургскаго Градоначальства“ было въ свое время напечатано слѣдующее сообщеніе прот. І. Орнатскаго.

„14 марта 1902 г., во время служенія литургіи о. Іоанномъ въ церкви Леушинскаго подворья, что на Бассейной улицѣ въ С.-Петербургѣ, произошло событіе, сообщить о которомъ въ нынѣшнее время оскудѣнія вѣры будетъ не безполезно.

Недавно прибыла въ Петербургъ больная женщина, крестьянка Тверской губ. Старицкаго у., Дорской вол., деревни Нализова—Ѳеодосія Сергѣева 24 лѣтъ. Болѣзнь ея выражается въ томъ, что Сергѣева, какъ только услышитъ колокольный звонъ, гдѣ бы она ни была, тотчасъ падаетъ, кричитъ ужас-

нымъ дикимъ голосомъ, обливается потомъ и бьется въ страшныхъ конвульсіяхъ до изнеможенія.

То же происходитъ съ нею во время каждаго крестнаго хода. Въ церковь ходитъ рѣдко, ссылаясь на какую-нибудь болѣзнь, большею частію мнимую, а если бывала въ церкви, то въ важнѣйшія минуты литургіи съ нею повторялись описанные выше припадки, по окончаніи коихъ она не помнила, что съ нею происходило. По всѣмъ этимъ признакамъ, болѣзнь ея нужно назвать бѣснованіемъ, о которомъ неоднократно упоминается въ Евангеліи.

Страдая такимъ образомъ уже третій годъ, въ послѣднее время Сергѣева очень ослабѣла физически, не могла ничего работать, связывала и другихъ, требуя ухода и присмотра за собою. Не находя ни въ чемъ для нея облегченія, родные рѣшили употребить послѣднее средство—просить за болящую молитвъ о. Іоанна Кронштадтскаго, для чего и привезли ее въ Петербургъ.

Имъ удалось осуществить это усердное желаніе 14 марта, когда о. Іоаннъ служилъ литургію преждеосвященныхъ даровъ въ церкви Леушинскаго подворья.

Во время причащенія мірянъ въ концѣ литургіи больную привели къ Св. Чашѣ. Она тотчасъ же закрыла глаза, неистово закричала, лицо сдѣлалось страшнымъ, трое сильныхъ мужчинъ держали ее. О. Іоаннъ прекратилъ причащеніе, положилъ на больную свою руку и, устремивъ на нее пристальный взглядъ, строгимъ и громкимъ голосомъ сказалъ:

— Именемъ Господа нашего Іисуса Христа повелѣваю тебѣ, сатана, выйти вонъ!..

Эти слова о. Іоаннъ повторилъ нѣсколько разъ.

Въ церкви, переполненной богомольцами, водворилась такая тишина, какъ бы никого въ ней не было. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали, что будетъ далѣе. Слышались только властныя слова высокочтимаго пастыря:

– „Сейчасъ выходи, скорѣе выходи".

Все это продолжалось минуты три. Потомъ крики прекратились, больная все еще съ закрытами глазами, тяжело вздыхая, опустилась на руки державшихъ.

О. Іоаннъ, обращаясь къ ней, трижды сказалъ:

— Открой глаза.

Больная медленно и съ большимъ усиліемъ исполнила это приказаніе.

Далѣе о. Іоаннъ заставилъ ее нѣсколько разъ перекреститься.

Первый разъ она осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ съ большимъ трудомъ, неохотно, потомъ стала креститься свободнѣе.

О. Іоаннъ спросилъ ее:

— Какъ-тебя зовутъ?..

— Ѳеодосія,—отвѣчала больная.

— Ну, еще разъ перекрестись.

На этотъ разъ Ѳеодосія перекрестилась совершенно свободно.

— Отпустите ее, сказалъ о. Іоаннъ державшимъ, и когда тѣ не рѣшались сдѣлать это, повторилъ:— Отпустите ее, она теперь совершенно здорова.

Когда державшіе отпустили, о. Іоаннъ пригласилъ ее причаститься Св. Таинъ и больная безъ посторонней помощи спокойно и благоговѣйно приняла Св. Тайны.

Послѣ литургіи, когда о. Іоаннъ былъ въ квартирѣ настоятельницы, туда же привели и исцѣленную.

Любвеобильный пастырь приласкалъ ее и родныхъ, спросилъ, откуда она, давно ли болѣетъ. Когда родные сказали: „она порчена“, о. Іоаннъ поправилъ: „она бѣсноватая“.

На вопросъ одного изъ присутствующихъ, будутъ ли повторяться съ нею прежніе припадки, о. Іоаннъ отвѣтилъ: „она исцѣлена“. Передъ отъѣздомъ изъ подворья о. Іоаннъ еще разъ обратился къ исцѣленной.

— И лицо-то у тебя стало теперь пріятнѣе— сказалъ онъ,—а то какая была страшная. Благодари же всегда Господа и будь здорова.

Нужно ли говорить, сколь сильно было впечатлѣніе, произведенное этимъ чудеснымъ исцѣленіемъ на всѣхъ многочисленныхъ свидѣтелей его.

Здѣсь всѣ воочію убѣдились, что Господь, обѣщавшій пребывать съ вѣрующими до скончанія вѣка, и нынѣ творитъ земныя чудеса въ церкви Своей черезъ избранныхъ Своихъ, сильныхъ, непоколебимою вѣрою и исполненіемъ „Его святой воли“.

У жены священника Н. М. П. заболѣлъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ сынъ, гимназистъ II класса. Болѣзнь эта у мальчика повторялась третій разъ и онъ былъ въ большой опасности.

Родители его находились въ страшномъ горѣ, они послали батюшкѣ телеграмму съ просьбою пріѣхать къ нимъ а если нельзя пріѣхать, то помолиться заочно.

О. Іоаннъ помолился у себя на квартирѣ въ 11 часовъ вечера, и въ это самое время мальчику стало легче—онъ уснулъ крѣпкимъ сномъ.

По научнымъ расчетамъ доктора, кризисъ, назначенный черезъ сутки, не состоялся къ радости родителей.

И вскорѣ мальчикъ вполнѣ выздоровѣлъ.

Крестьянка Ямбургскаго уѣзда, Стремлянской волости, Параскева Степанова Ѳедина много лѣтъ страдала бѣснованіемъ.

Долго продолжалась эта болѣзнь и не давала покоя ни ей, ни ея семьѣ.

Сосѣди посовѣтовали ей съѣздить въ Кронштадтъ.

О. Іоаннъ помолился надъ нею и она выздоровѣла совершенно.

Однажды къ отцу Іоанну обратился татаринъ, у котораго находилась при смерти жена.

— Батюшка, говорилъ онъ,—слышалъ я, что твой Богъ сильнѣе нашего Аллаха; по твоей молитвѣ у сосѣда поправился ребенокъ; помолись же за жену мою.

— Изволь, помолимся вмѣстѣ,—сказалъ о. Іоаннъ, опустился на колѣни и сталъ читать молитву.

Татаринъ билъ себя въ грудь и повторялъ слова молитвы.

Они молились около часа и, когда поднялись съ колѣнъ, на глазахъ у татарина блестѣли слезы.

— Ступай съ миромъ домой!—сказалъ ему о. Іоаннъ.

И вотъ жена татарина почувствовала облегченіе, а скоро поправилась и совершенно.

По выздоровленіи ея татаринъ со всею своею семьею принялъ православіе.

Одинъ кадетъ опасно заболѣлъ брюшнымъ тифомъ. Отецъ и мать пріѣхали въ Петербургъ къ больному мальчику. Два корпусные доктора и профессоръ Чудновскій сказали, что больной очень труденъ, что они сдѣлаютъ все, что отъ медицины зависитъ, а имъ родителямъ остается только одно—молиться Богу и надѣяться на его милосердіе.

Эти слова сильно смутили несчастныхъ родителей. Они сначала подумали, что на спасеніе ихъ сына не осталось уже никакой надежды. Но когда почтенные медики повторили свой совѣтъ обратиться къ милосердію Божію нѣсколько разъ, то тогда только родители больного ребенка увѣрились, что это не пустая фраза, служащая къ успокоенію ихъ родительскихъ сердецъ, а что въ этомъ совѣтѣ врачей звучитъ самая религіозная нота.

Они только тогда убѣдились, что сына ихъ лѣчатъ не холодные люди, а истинно убѣжденные христіане!

Но болѣзнь дѣлала свое дѣло. Наконецъ заботливый директоръ корпуса въ виду того, что заболѣли этою заразною болѣзнію и другія дѣти, пригласилъ изъ Кронштадта о. Іоанна, чтобы онъ помолился за болящихъ юношей.

О. Іоаннъ въ тотъ же день вечеромъ пріѣхалъ въ корпусъ, помолился за болящихъ и благословилъ ихъ.

И что же произошло? На другой день всѣ три медика констатировали замѣтное улучшеніе у всѣхъ

больныхъ. При этомъ проф. Чудновскій сказалъ родителямъ перваго заболѣвшаго мальчика.

— Видно вы очень усердно молитесь, такихъ результатовъ не ожидалъ, радуюсь и поздравляю.

— Но что значитъ наши молитвы,—говорятъ обрадованные родители—и, наконецъ, онѣ возносились только о нашемъ сынѣ!..

Послѣ молитвы и благословенія о. Іоанна всѣ дѣти безъ исключенія на другой же день стали замѣтно поправляться, а для трудно больныхъ явилась надежда на спасеніе жизни.

Это—фактъ, совершившійся на глазахъ у сотни людей.

При этомъ надо сказать, что проф. медико-хирургической Академіи Чудновскій пользуется почетною извѣстностью въ ученомъ мірѣ. Поэтому его совѣты и слова: „болѣе всего надѣяться на благодать Божію“ пріобрѣтаютъ особое значеніе. Такъ велико и почетно имя о. Іоанна Кронштадтскаго и между учеными міра сего.

Въ 1888 году одинъ чиновникъ въ г. Вейссенштейнѣ, нѣкто господинъ П—ль, былъ разбитъ параличемъ. Онъ обращался къ докторамъ, но тѣ не могли вылечить его.

Тогда жена его рѣшила свезти его въ Юрьевъ, чтобы посовѣтоваться тамъ съ врачами, профессорами университета.

Но и тѣ отказались лѣчить больного.

А П—ль былъ человѣкъ небогатый, жилъ съ своимъ большимъ семействомъ лишь на жалованье. Семейству угрожала нищета.

Домъ въ г. Кронштадтѣ, въ которомъ жилъ дорогой Батюшка о. Іоаннъ

Самъ онъ былъ лютеранинъ, но, слыша о исцѣленіяхъ о. Іоанна глубоко и искренне почиталъ его.

И вотъ онъ проситъ жену свою свезти его въ Кронштадтъ къ отцу Іоанну, надѣясь, какъ онъ самъ говорилъ, что молитва православнаго іерея облегчитъ его тяжкій и неизлѣчимый, по заключенію докторовъ, недугъ.

Жена рѣшилась исполнить его просьбу и повезла его въ Кронштадтъ.

О. Іоаннъ помолился о ниспосланіи здоровья г-ну П—лю и затѣмъ прикоснулся къ разбитой параличемъ рукѣ и сторонѣ тѣла больного.

— И лишь только—говоритъ г-нъ П-ль—батюшка ко мнѣ прикоснулся, я почувствовалъ сразу облегченіе и полное душевное спокойствіе.

Возвратившись домой, я настолько поправился, что могъ снова свободно исполнять свои служебныя обязанности. Вскорѣ болѣзни не осталось и слѣда.

Исцѣленіе это въ особенности поразило юрьевскихъ свѣтилъ медицины. Они вполнѣ тогда сознались, что ему не можетъ помочь искусство земныхъ врачей, то весьма возможно для Врача Небеснаго, чрезъ посредство усердныхъ и теплыхъ молитвъ избранныхъ своихъ служителей церкви, какъ напримѣръ, отецъ Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ, протоіерей Кронштадтскій.

Событіе въ с. Кончанскомъ Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи.

„30 августа по окончаніи литургіи въ только что освященномъ отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ въ

с. Кончанскомъ каменномъ храмѣ, суворовская комиссія, въ лицѣ ея представителей, профессоровъ академіи генеральнаго штаба, генераловъ: Орлова, Мышлаевскаго и полковника Сулимы-Самуйло, предложила духовенству и почетнымъ гостямъ завтракъ въ мѣстной суворовской земской школѣ. Во время завтрака къ о. Іоанну Ильичу была поднесена на рукахъ бывшая въ этотъ моментъ въ безсознательномъ состояніи жена крестьянина Румянцевой Горки, Авдотья Аѳанасьева, 32 лѣтъ, находящаяся въ супружествѣ болѣе семи лѣтъ и одержимая злымъ духомъ.

О. Іоаннъ Ильичъ спросилъ мѣстнаго настоятеля:

— Что это, бѣсноватая?

Послѣ утвердительнаго отвѣта о. Іоаннъ приказалъ больной смотрѣть на него.

Больная, бывшая въ безчувственномъ состояніи, казалось, не слышала приказанія, каковое мягкимъ, но повелительно настойчивымъ голосомъ было повторено во второй и въ третій разъ. И только тогда, когда пастырь нѣсколько приподнялъ вѣки больной, присутствующіе увидѣли ея мутный и блуждающійся взоръ, постепенно проясняющійся и устремившійся на лицо о. Іоанна. Батюшка велѣлъ ей встать. Принесшіе больную возразили, что она стоять не можетъ, очевидно, относя эту невозможность къ тому состоянію, въ коемъ была больная въ данный моментъ.

Батюшка нервно возвысилъ голосъ и сказалъ:

— Оставьте ее, она будетъ стоять.

Больная осталась на ногахъ, сперва нѣсколько шатаясь, и какъ бы ища равновѣсія, а потомъ совершенно твердо и увѣренно.

— Перекрестись, сказалъ о. Іоаннъ.

— Видно было колебаніе и какъ бы неподчиненіе этому приказанію. Глаза стали закрываться.

— Перекрестись же, перекрестись, говорю тебѣ— перекрестись,—раздался на этотъ разъ властный и повелительный голосъ.

Сначала съ трудомъ, но постепенно свободнѣе осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ больная.

На лицѣ была вялость, глаза полузакрыты.

— Открой же глаза, перекрестись еще!—сказалъ о. Іоаннъ.

Глаза открываются. Увѣреннымъ движеніемъ руки больная крестится и цѣлуетъ пастыря въ уста.

О. Іоаннъ отходитъ отъ больной шага на два и приказываетъ ей подойти къ нему. Первый неувѣренный шагъ, опять полузакрываются глаза.

Вновь приказаніе смотрѣть на батюшку и перекреститься.

Больная повинуется. Глаза открываются. Взоръ совершенно ясенъ. Крестное знаменіе твердое. Движеніе руки плавно. Поступь твердая.

— Обойми меня.

Больная припадаетъ къ плечу батюшки, цѣлуя его въ уста. Батюшка молитвенно склоняется надъ нею. Въ мертвой тишинѣ оцѣпенѣлыхъ зрителей ближайшихъ къ батюшкѣ едва слышится его слово: „Изыди“.

За симъ. о. Іоаннъ нервно встряхиваетъ головой и уже громко говоритъ больной:

— Иди и молись Богу!

Замѣтивъ движеніе родныхъ исцѣленной, желавшихъ поддержать ее, о. Іоаннъ сказалъ:

— Оставьте, она сама пойдетъ!

Больная сама повернулась лицомъ къ присутствующимъ. Это лицо лучилось какою-то неземною радостною улыбкой.

Нервное напряженіе присутствующихъ разразилось рыданіемъ, всѣхъ, за какимъ-нибудь единичнымъ исключеніемъ, охватило единое и общее чувство умиленія.

Рыдали простолюдины и плакали интеллигенты. Глаза генерала, за нѣсколько мѣсяцевъ до этого случая орлинымъ полетомъ прошедшаго всю Манчжурію, глаза, видѣвшіе всѣ ужасы китайской войны, увлажнились слезою.

Тщетны усилія самообладанія. Эта умиленная и въ то же время предательская слеза медленно катилась по щекѣ („Русскій Паломникъ“).

Дочь священника, Марія Матвѣевна Дубровская, лѣтъ пятнадцать страдала слабымъ зрѣніемъ. Она не могла ни читать ни работать, все окружающее казалось ей какъ бы окутаннымъ въ туманѣ.

Больная обратилась къ помощи врачей. Произведенная въ Варшавѣ операція могла только спасти ея лѣвый глазъ отъ окончательнаго потемнѣнія, но правый глазъ темнѣлъ все болѣе и болѣе, и, наконецъ, она перестала совершенно имъ видѣть.

Тогда она отправилась къ врачамъ въ Кіевъ и Витебскъ, но ни тамъ, ни здѣсь врачебное искусство не оказало г-жѣ Дубровской никакой помощи.

Въ Витебскѣ же врачи объявили, что она скоро ослѣпнетъ совершенно и должна помириться со своимъ горестнымъ положеніемъ.

Въ этомъ безвыходномъ положеніи г-жа Дубров-

ская однажды увидѣла сонъ: она видитъ, что на стѣнѣ ея комнаты виситъ образъ Божіей Матери Скорбящей; въ то же время въ комнату входитъ священникъ, въ которомъ она тотчасъ же узнала о. Іоанна Кронштадтскаго по видѣннымъ ею ранѣе портретамъ его.

О. Іоаннъ снимаетъ со стѣны образъ Божіей Матери, благословляетъ имъ больную и говоритъ, чтобы она отправилась въ Петербургъ и пріобрѣла себѣ тамъ точно такой же образъ.

— Усердная молитва къ Пресвятой Богородицѣ всѣхъ скорбящихъ радости и искренняя молитва къ Господу — прибавилъ о. Іоаннъ:—спасутъ тебя и Господь снизошлетъ тебѣ исцѣленіе.

Этотъ сонъ произвелъ такое сильное волненіе въ г-жѣ Дубровской, что она тотчасъ же проснулась и горячо помолилась Богу; затѣмъ понемногу стала собираться въ Петербургъ. Прибыла она сюда въ январѣ мѣсяцѣ, обходила всѣ иконныя лавки, ища такой именно иконы, какую видѣла во снѣ и наконецъ нашла.

Затѣмъ ей нужно было добиться свиданія съ о. Іоанномъ.

Нѣсколько разъ пріѣзжала она въ Кронштадтъ но никакъ не могла дойти до него.

Наконецъ была достигнута цѣль г-жи Дубровской.

Когда о. Іоаннъ вошелъ въ комнату, то г-жа Дубровская была поражена его сходствомъ съ тѣмъ священникомъ, котораго она видѣла во снѣ въ Витебскѣ.

Съ величайшимъ волненіемъ и заливаясь слезами, она изложила о. Іоанну свое бѣдственное положеніе

и, подавъ купленную ею икону Скорбящей Божіей Матери, просила помолиться вмѣстѣ съ нею, не сомнѣваясь, что Господь услышитъ ихъ общую молитву и по вѣрѣ болящей пошлетъ утѣшеніе и исцѣленіе отъ недуга.

Вслѣдъ за тѣмъ о. Іоаннъ приступилъ къ молитвѣ. Съ глубокимъ благоговѣніемъ внимала больная чуднымъ словамъ молитвословія, которыя священнымъ отголоскомъ отпечатывались въ ея сердцѣ.

Наконецъ молитва кончилась.

О. Іоаннъ далъ поцѣловать крестъ болящей, благословилъ ее образомъ Скорбящей Божій Матери, отеръ глаза ея святою водою, и мгновенно совершилось св. великое дѣло Божіе. Больная разомъ возрѣла, туманъ спалъ съ ея глазъ, и всѣ окружающіе ее лица и предметы предстали предъ ея взорами съ полною ясностью.

Необычайное событіе потрясло до глубины души болящую. Радость снова увидѣть свѣтъ, котораго она была лишена столь долгое время и который, по увѣренью врачей былъ закрытъ для нея навсегда, и неизмѣримое чувство благодарности къ дѣйствующей силѣ Божіей переполнили ея изболѣвшее сердце. Впечатлѣніе было слишкомъ сильно, слабый организмъ не выдержалъ его напора, исцѣленная лишилась чувствъ, вскорѣ она, однако, снова пришла въ себя и горячо благодарила Бога и о. Іоанна.

Въ настоящее время г-жа Дубровская все ясно видитъ и можетъ читать и работать. Но, желая предохранить свое зрѣніе на будущее время, носитъ очки.

И много подобныхъ случаевъ, когда силою молитвы о. Іоанна люди получаютъ облегченіе и исцѣленіе отъ

своихъ болѣзней, можно было бы привести. Но сколько бы мы ни писали, всѣхъ таковыхъ чудесныхъ исцѣленій кронштадтскаго батюшки исчислить невозможно.

12 декабря 1890 года исполнилось тридцатипятилѣтіе, а 12 декабря 1905 года пятидесятилѣтіе служенія о. Іоанна пастыремъ г. Кронштадта на пользу людямъ, на заступленіе земли Русской.

Много наградъ имѣетъ о. Іоаннъ отъ духовнаго и свѣтскаго начальства, но еще выше награда, какую онъ уготовалъ себѣ въ сердцахъ русскихъ людей.

Слава о немъ широко разнеслась по нашей родинѣ, проникла и за предѣлы земли русской.

Отцу Іоанну былъ восьмидесятый годъ, но все еще крѣпокъ онъ былъ душою и тѣломъ, все еще находилъ въ себѣ прежнія молодыя силы на служеніе Богу и ближнимъ.

Господь невидимо подкрѣпляетъ своего избранника и поддерживаетъ въ его служеніи.

Жилъ бы дольше, Россійская слава, дорогой батюшка о. Іоаннъ. И пусть дольше твоими молитвами и заступленіемъ осушаются слезы горемыкъ и обездоленныхъ на земли русской!

Посреди густого мрака заблудился путникъ и стоитъ предъ трясиною, готовый упасть въ нее, но вотъ въ далекомъ небѣ зажглась путеводная звѣзда и радъ онъ всѣмъ сердцемъ и благодаритъ Господа, зажегшаго эту звѣзду, за свое спасеніе.

Много русскихъ людей заблудило отъ пути праваго, и теряются теперь по пустынѣ безвѣрія, доходя до пучины отчаянія.

Пусть они взглянутъ на Кронштадтскій Маякъ. Не горѣлъ ли тамъ святильникъ Божій, освѣщая всѣмъ путь ко спасенію.

У кого мало масла для своего свѣтильника, шли туда, чтобы не засталъ ихъ женихъ темнымъ.

Скорбные, шли туда за утѣшеніемъ.

Немощные—за исцѣленіемъ.

Богатые и веселящіеся—за вразумленіемъ.

Поспѣшимъ уйти изъ мрака, пока горитъ свѣтъ.

Для того, можетъ быть, Господь и поддерживалъ такъ долго огонь на своемъ свѣтильникѣ, чтобы покаялись маловѣрные, обратились благодушные.

Вотъ намъ дана великая слава, какой лишены другіе народы.

И чтобы удержать ее за собою, надо быть достойнымъ ея, надо уподобиться ей хотя отчасти и тогда эта слава всецѣло и навсегда будетъ принадлежать намъ.

Сократились дни на землѣ славы Россійской—батюшки о. Іоанна, но память его будетъ жива вѣчно въ его народѣ и, вѣримъ мы, вѣчно будетъ дѣйственно его заступленіе за землю русскую.

Ибо такова великая милость Господа Іисуса Христа и Пречистой Его Матери на землю Русскую.

Оглавленіе.

стр.

Предисловіе. 3

I. Дѣтство и юность отца Іоанна Кронштадтскаго. 5

II. Первые годы пастырскаго служенія о. Іоанна. 10

III. День о. Іоанна. 18

IV. Труды о. Іоанна. 21

V. „Россійская слава"—о. Іоаннъ. 24

VI. О. Іоаннъ на родинѣ. 39

VII. Отдѣльныя чѣрты изъ жизни о. Іоанна:

1. Другъ трезвости. 42

2. Любовь къ дѣтямъ. 46

3. Другъ бѣдняковъ и обездоленныхъ. 49

VIII. Нѣкоторые случаи изъ жизни о. Іоанна (Кронштадтскій молитвенникъ за русскую землю). 54

Заключеніе. 85

Александро Невская лавра въ г. С.-Петербургѣ.

Цѣна 20 коп.

Изданіе Г. Климентова. Спб., Теряева ул., № 4.

2007080171